

Ирен Софи

ПЛЕННИК ИМПЕРИИ

18+

Ирен Софи

Пленник империи

<https://litres.ru/74665483>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом мире мужчины рождаются один на двадцать женщин, и каждого из нас берегут так, как берегут породистого жеребца: кормят, стерегут, водят по расписанию. Я был студентом-историком. Здесь я стал имуществом короны.

Вот только у меня оказался дар, о котором в их сказаниях пишут столько веков, что все давно перестали верить. Я умею будить то, что у этих женщин отняли вместе с проклятием. И теперь за меня дерутся все разом: императрица, которой нужен наследник, две сестры, которым приказали меня стеречь, атаманша разбойниц и гордая княжна, выложившая за меня мешок золота.

Каждая считает, что купила меня. Каждая ошибается.

Я собираюсь снять это проклятие — и уйти свободным.

Жаль только, что за всё приходится платить, и старуха, которая четырёхста лет ждёт меня на вершине, уже назвала цену.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	49
Глава 6	64
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Ирен Софи

Пленник империи

Глава 1

Тряска вывела меня из черноты, в которой не было ни снов, ни памяти. Сначала вернулось тело, и оно оказалось чужим: слишком длинное, слишком тяжелое в плечах, с руками, стянутыми за спиной грубой веревкой. Запястья горели там, где волокна впились в кожу, и боль усиливалась при каждом толчке. Под щекой лежали доски, шершавые, пропитанные чем-то кислым и застарелым, Меня мотало по ним из стороны в сторону, а позвоночник отзывался вспышкой боли на каждый удар колеса о камень. Веки поднимались с трудом, словно их держали пальцами.

Надо мной был дощатый верх повозки, в щелях которого пробивались полосы дневного света. Я попытался вспомнить: вместо связного куска всплывали обрывки. Снег. Огонь на опушке. Женский крик. Чужие обрывки памяти. Гриша. Имя пришло само, будто его вложили извне, и вместе с ним протянулась тонкая нить чужой жизни. Северные леса. Племя. Погоня по насту. Мешок на голове и удар по затылку, после которого все закончилось.

Последнее, что я помнил о своей настоящей жизни, - это лекция по раннему Средневековью, кофе из автомата в коридоре и спор с научным руководителем о теме диплома. Дальше - провал. А потом - вот это: чужое тело, связанные руки, трясущаяся повозка и голоса снаружи. Голоса были женские.

Я прислушался, стараясь не выдать, что очнулся. За стеной цокали копыта. Тяжело позвякивало железо.

- Привал у ручья! Коней напоить, пленного проверить

Я попытался пошевелить плечами. Веревка держала намертво, узлы были затянуты умело, и тело Гриши отозвалось на попытку пошевелиться тупой болью в суставах. Его явно били, и не раз. Повозка резко остановилась. Полог откинулся, и внутрь хлынул свет, режущий глаза. Я зажмурился, а когда разлепил веки, надо мной нависло лицо. Молодое, обветренное, с рыжими растопыренными волосами и внимательными серыми глазами. Женщина в кожаном доспехе, с коротким мечом у бедра, разглядывала меня с любопытством.

- Очнулся, - бросила она через плечо. - Дышит ровно, глаза ясные. Крепкий попался, довезем живым.

- Хорошо, - отозвался второй голос. - Марья, вытащи его наружу, пусть ноги разомнет, пока стоим. Нечего везти в столицу полудохлого.

Меня подхватили под мышки и вытащили на свет. Ноги коснулись земли, и я чуть не упал: тело Гриши было выше и тяжелее моего, я к нему не привык и покачнулся, как пьяный. Марья придержала меня за локоть. Я огляделся, стараясь охватить взглядом как можно больше, пока мне позволяют. Отряд был немаленьким, десятка два всадниц. Кожа, стеганки, у некоторых кольчуги, тускло отсвечивающие на солнце. Лошади приземистые, крепкие, привыкшие к дол-

гим переходам. Повозок было несколько, и в остальных, судя по виду, везли припасы и снаряжение. Вокруг простиралась равнина, поросшая высокой пожелтевшей травой, а за грядой холмов поднимался дымок - то ли от деревни, то ли от сторожевого поста. У ручья поили лошадей. Мужчин не было.

- Далеко еще ехать? - спросил я, и голос мой прозвучал хрипло, но разборчиво.

Марья искоса глянула на меня, словно удивляясь, что пленник вообще открыл рот.

- Два дня. - Она прищурилась. - Бойко говоришь для дикаря из северных чащ. Откуда ты умеешь?

Я прикусил язык. Гриша, судя по тем крохам, что мне от него достались, так гладко не говорил.

- Долго молчал, - выкрутился я. - Соскучился по разговору.

Марья фыркнула и повела меня обратно. Прежде чем меня затолкали в повозку, я успел разглядеть старшую, ту, что распоряжалась. Она сидела в седле поодаль и оглядывала своих людей. Темные волосы в тугой косе, жесткое лицо, на вид лет тридцати. Взгляд, брошенный на меня, был деловым, таким, каким проверяют, цел ли груз. Полог упал. Повозку тряхнуло, и мы покатили дальше.

Следующие дни слились воедино: тряска, остановки, короткие минуты на свету, когда меня выводили размяться и напоить из общей баклаги. Я вел себя тихо и слушал. Из об-

рывков разговоров складывалась картина, в которую не хотелось верить. Империя Елизария - так называли эту землю. Столица называлась Златоглав, и туда везли меня. На одном из привалов молодая всадница рассказывала про «новый улов с северных рубежей», и в голосе ее звучал азарт добытчицы, которой повезло. Улов. Это, надо полагать, я.

К исходу второго дня повозка выехала на широкую дорогу, вымощенную плитами, и впереди показались стены - высокие, каменные, с башнями через равные промежутки. У ворот толпился народ: торговки с корзинами, стражницы в форменных плащах, бабы с мешками, девчонки-посыльные, старухи, тащившие вязанки хвороста. Мужских лиц я не увидел ни одного.

Отряд въехал в город, не останавливаясь. Улицы были широкие, дома - крепкие, рубленые из темного дерева, с резными наличниками и высокими крышами. Жизнь кипела: рынки, лавки, мастерские. В открытой кузнице баба в кожаном фартуке била молотом по заготовке. Другая тащила на спине мешок с зерном, поигрывая плечами не хуже ино-го грузчика из моей прежней жизни. Повозка остановилась. Снаружи успела собраться толпа - густая и шумная. Меня выволокли на полуденный свет, и десятки глаз одновременно повернулись в мою сторону.

- Гляньте, каков! - крикнули из толпы, и следом раздался одобрителный смех с присвистом.

- Северянин. Крепкий.

Я стоял под этими взглядами и чувствовал, как по спине ползет тяжелая волна. Меня разглядывали в открытую, вслух обсуждая плечи, рост, масть, и в этом обсуждении не было ни капли стеснения. Старшая конвоя спешила и подошла к женщинам, вышедшим навстречу из здания с гербом на фасаде.

- Доставлен по приказу Боярской думы, - доложила старшая, кивнув в мою сторону. - Взят на северной границе. Донесение и бумаги при мне.

Вперед выступила женщина в темно-синем платье с серебряной вышивкой. Темные волосы уложены в сложную прическу, на плече плащ, скрепленный брошью в виде сокола.

- Государыня ждет отчет, - обронила она. - Дайте взглянуть.

Она обошла меня кругом. Остановилась напротив, подняла глаза и задержала их на мне. Я выдержал этот взгляд и успел подумать, что глаза у нее темные и ледяные.

- Крепкий, - проговорила она, обращаясь к своей спутнице. - И не дурак, это по лицу видно. Не забитый и не сломленный. Такие в теремах приживаются плохо, зато при дворе стоят дорого.

- Боярыня Лада.

Голос прозвучал резко, по-командирски, и принадлежал он женщине помоложе, лет двадцати пяти, в легкой кольчуге поверх стеганки. Светлые волосы, на поясе меч с потертой рукоятью, какой носят для работы. Она встала между нами,

так что боярыне пришлось отступить.

- Приказ был передать пленника под мою ответственность до решения Совета, - договорила она. - Под мою, а не под твою.

Лада повернула голову.

- Сестра, я и не спорю с приказом. Меня интересует то, что касается всей нашей семьи. - Она снова перевела взгляд на меня, и голос ее стал мягче. - Ты ведь понимаешь, кто он теперь, Влада. И та, кто правильно им распорядится, получит при дворе такой вес, какого нам с тобой не положено по рождению.

Влада. Значит, вот как зовут блондинку.

- Я понимаю, что он человек, - отрезала Влада. - А не монета, которую делят на семейном совете. Приказ есть приказ, он идет со мной.

Лада подняла бровь, оглядела сестру с головы до ног, но больше спорить не стала.

- Как знаешь. - Она развернулась, бросив на меня короткий взгляд, от которого у меня похолодело под ребрами. - До встречи, северянин.

Лада ушла во дворец в сопровождении двух служанок. Влада проводила ее взглядом, потом повернулась ко мне.

- Идем, - бросила она и кивнула стражнице, чтобы та перерезала веревку. - Терем недалеко. И вот тебе совет, северянин: при Ладе держи рот на замке. Она запоминает каждое слово.

Веревку срезали. Кровь хлынула в затекшие кисти, обжигая тысячей игл, и я зашипел сквозь зубы. Влада смотрела на это без сочувствия, равнодушно.

- Как тебя зовут? - спросила она. Мы двинулись сквозь толпу, которая охотно расступалась.

- Гриша.

Чужое имя легло на язык неловко.

- Гриша, - повторила она. - Северное имя, северная кровь. - Она взглянула на меня сбоку. - Будешь вести себя разумно - я не подпущу тебя к Терему Плодородия, пока у меня есть право голоса. Будешь дурить - перестану.

Дальше мы шли молча, пробираясь между торговыми рядами, где на прилавках лежали ткани, оружие и глиняная посуда. Город жил своей жизнью, которой не было никакого дела до того, кто с кем ссорится во дворце. За поворотом показалось приземистое здание с высоким крыльцом. У самых дверей Влада остановилась, обернулась и заговорила так тихо, что слышал только я.

- И еще, Гриша. Государыня уже прислала гонца. Личный осмотр назначен на сегодня вечером. Так что отдохни, пока есть время.

Она толкнула тяжелую дверь, впуская меня в полумрак.

Глава 2

Бревенчатые стены были увешаны оружием, и оружие это висело не для красоты: рукояти затерты ладонями, лезвия ухожены, ножны подогнаны. Вдоль стен шли узкие лавки, застеленные шкурами. В очаге тлели угли, отдавая ровное тепло, от которого в комнате стояла та сонная духота, какая бывает в избе к вечеру. Влада завела меня внутрь и указала на лавку у стены.

- Садись. Разговор будет долгий.

Я опустился на указанное место, разминая саднящие запястья, и наблюдал, как она снимает перевязь и вешает ее на крюк у входа. Потом она подбросила в очаг пару поленьев, выпрямилась и повернулась ко мне, скрестив руки.

- Ты понимаешь, чем для тебя оборачивается твое положение?

- Догадываюсь, - отозвался я. - Пленник. Товар. То, из-за чего боярыни спорят у городских ворот, забыв про приличия.

Уголок ее рта дрогнул.

- Быстро соображаешь для дикаря из северных чаш.

Она опустилась на лавку напротив, и в свете очага лицо у нее сделалось жестче: резкие скулы, темные провалы под ними, серые глаза, разглядывающие меня с той придиричивостью, с какой разглядывают клинок перед дракой.

- Слушай внимательно, повторять я не стану. У нас мужчины рождаются редко. Раз в двадцать девок - один парень, и тот не всякий доживает до зрелости. Проклятие это легло давно, за что - никто уже толком не помнит. Поэтому каждый мужик, способный дать потомство, перестал быть просто человеком. Он теперь будущее рода, города и всей державы разом.

- И привезли меня сюда именно за этим.

- Именно, - подтвердила Влада без обиняков. - Тебя проверят. Решат, годен ли ты для Терема Плодородия. Это участь незавидная: жизнь взаперти, под присмотром, и вся твоя цена там меряется тем, понесла от тебя просительница или нет. Либо найдется знатная особа, которая возьмет тебя под личное покровительство, и тогда станешь наложником при дворе. Больше дорог у тебя нет.

- А если я не хочу?

Я спросил это, прекрасно понимая, каким будет ответ. Влада выдержала паузу, и в ее лице мелькнуло что-то, похожее на сочувствие, тут же спрятанное за деловитой прямой.

- Тогда научись хотеть, и научись быстро. Потому что есть и еще одна дорога, о которой у нас не любят говорить вслух: Совет решает, что пользы от тебя никакой, и дальше тебя уже никто не кормит. Слабых, больных и негодных на довольствии не держат.

Она дала словам осесть и добавила.

- Я говорю это не для того, чтобы тебя напугать. Я говорю, чтобы ты знал правила.

Я молчал, переваривая услышанное. В голове тем временем всплывали обрывки чужой памяти: быт северного племени, где бабы и мужики ходили на зверя вместе, где никого не мерили способностью к зачатию и где само сочетание «Терем Плодородия» прозвучало бы кощунством, за которое бьют по лицу. Между тем миром и этим лежала пропасть, через которую словами моста не перекинуть.

- Зачем ты мне все это рассказываешь? - спросил я. - Проще было сдать меня Совету и забыть.

Влада вскинула подбородок.

- Затем, что мне велено за тебя отвечать, а я не умею делать порученное вполсилы. - Она поднялась, прошла до узкого окна, за которым уже густели сумерки, и постояла там, глядя на улицу. - И затем, что мне любопытно, кто ты такой. Северяне в плен живыми попадают редко, обычно дерутся до последнего. Ты на того, кто сдался, не похож.

- Я и не сдавался. Просто не помню, как тут оказался.

Влада чуть прищурилась, будто зацепившись за что-то в моих словах, однако развивать не стала.

- Скоро придет знахарка, осмотрит тебя перед вечерним вызовом. Ничего болезненного, обычная проверка. Потом отведу тебя во дворец.

Последнюю фразу она произнесла тем же деловым голосом, каким говорила все остальное, и все-таки в голосе этом

что-то дрогнуло, выдавая не то неловкость, не то жалость. Скоро явилась знахарка. Была она в летах, с обветренным лицом и грубыми ладонями, которые оказались на удивление ловкими. Осмотр она провела быстро и деловито: ощупала плечи и живот, посчитала биение на шее, заглянула в глаза и в рот, велела дышать и не дышать, и все это с отрешенностью человека, через чьи руки прошли сотни таких, как я. Влада сидела поодаль и затачивала нож, делая вид, что занята только им.

Я ловил на себе ее взгляды, брошенные украдкой, и в них не было ни капли жадности, с какой на меня глазели у городских ворот. Было любопытство. Знахарка ушла, объявив меня здоровым и годным.

- До вызова время есть, - проговорила Влада, откладывая нож. - Есть хочешь?

Я кивнул, хотя аппетит у меня давно вытеснила тревога. Она принесла из соседней каморки хлеб, вяленое мясо и кувшин с квасом.

- Расскажи про свое племя, - попросила она, отламывая хлеб. - Правда, что у вас мужики ходят на охоту наравне с бабами?

Я рассказывал. Вернее, пересказывал обрывки чужой памяти, стараясь, чтобы выходило похоже на свое: про зимние леса, про ход на лося по насту, про то, как племя празднует перед холодами и как бабка Гриши заговаривала наконечники. Влада слушала внимательно, изредка перебивая вопро-

сами, и вопросы эти были дельными, охотничьими.

- У вас на наши порядки, поди, смотрят как на дикость, - проговорила она, отставив миску.

- Есть такое, - согласился я. - Тяжело привыкнуть к мысли, что твоя цена меряется тем, годен ты к зачатию или нет.

Влада промолчала, глядя в огонь. По ее лицу прошло что-то похожее на сомнение.

- Не всегда так было, - проговорила она неохотно. - До проклятия мужиков было столько же, сколько нас. Мать мне пересказывала бабкины байки про времена, когда мужское присутствие никто не считал редкостью, за которую надо драться. - Она подняла на меня глаза. - Иногда мне думается, что мы попросту разучились видеть в мужчине человека.

Между нами проскользнуло то, чего я никак не ожидал найти в этом мире. За окном окончательно стемнело. Влада поднялась, зажгла пару свечей, и в их неровном свете бревенчатые стены сделались мягче, а оружие на них перестало выглядеть угрозой.

- Гонца от государыни пока нет, - обронила она. - Значит, время еще есть.

Она вернулась к очагу и опустилась на лавку рядом со мной. Я почувствовал тепло, шедшее от ее плеча, и уловил, как сбилось у нее дыхание.

- Мне ни разу не доводилось быть рядом с женщиной вот так, - призналась она, глядя в огонь. - Не стражницей при пленнике. Просто рядом.

- И как оно тебе?

Она повернула голову, и наши глаза встретились. В ее взгляде мешалось все сразу: любопытство, неуверенность и та робость, которая никак не вязалась с сотницей гвардии, отбившей меня у родной сестры посреди площади.

- Непривычно, - произнесла она честно. - И вовсе не так, как я себе представляла.

Она подняла руку, собираясь коснуться моего лица, и задержала ее на полпути, давая себе последнюю возможность передумать. Я не отстранился. Ее пальцы коснулись моей щеки, и я накрыл ее ладонь своей, удерживая на месте. Влада выдохнула коротко, будто все это время не дышала, и подалась вперед. Поцелуй вышел неловким. Я почувствовал, как ее вторая рука легла мне на плечо. От нее шло тепло, и под этим теплом у меня внутри шевельнулось то, чего я за собой прежде не знал. Волна поднялась сама, из глубины, из-под ребер, и потекла по рукам к ладоням. Влада вздрогнула и оторвалась от меня, разглядывая мое лицо с удивлением.

- Что это сейчас было?

- Сам не знаю, - отозвался я. - Зато вижу, что тебе понравилось.

Она издала короткий смешок, и вместо ответа потянулась ко мне снова.

Свечи бросали неровные отсветы на бревенчатые стены, в очаге потрескивало, и мое новое тело, отозвалось на происходящее. Я гладил ее ладонями: крепкие плечи, выпук-

лость мышцы под кожей, теплую впадинку у шеи, где бешено билась жилка. Она закрывала глаза, когда я касался губами этой жилки. Огонь внутри меня разгорался с каждой минутой все сильнее, отзываясь на ее дыхание и на гладкость кожи. Неуверенность между нами сошла на нет, и остались двое, выбравших эту ночь не по приказу и не по праву, а потому, что оба этого захотели.

Жар шел волнами. Я чувствовал каждую ее дрожь, когда она поднимала бедра, и сам отвечал, пока стены терема не сузились до треска углей и до ее дыхания у самого уха. Она обхватила меня ногами, пятки уперлись в поясницу - остались только скольжение, влажность, тугое тепло внутри нее и то, как она всхлипывала на каждом толчке, когда я попадал туда, где ей было особенно хорошо. Я ускорился, чувствуя, как напряжение собирается внизу живота тугим узлом, и она встретила его, - мышцы сжались вокруг меня судорожно, сильно, и я кончил вслед за ней, толкнувшись до самого конца, пока перед глазами не вспыхнуло белым.

Позже, когда свечи догорели до огарков, Влада лежала рядом, пристроив голову мне на плечо.

- Мне не следовало этого делать, - проговорила она тихо.

- И все же сделала.

- И не жалею, - отозвалась она и приподнялась на локте, разглядывая меня. - Только теперь мне вести тебя во дворец, зная, что государыня захочет того же самого. И я пока не разобралась, как к этому отношусь.

Ответить я не успел. Снаружи грохнуло в дверь, и властный голос разрезал ночь над теремом:

- Отпирайте! Гонец от государыни! Пленника велено доставить немедленно, Ее Величество ждать не станет!

Глава 3

Влада оделась наспех, кое-как затянув пояс, и вышла следом за мной на крыльцо, где нас уже дожидались.

- Я еду с ним, - бросила она гонцу, женщине с суровым и непроницаемым лицом, на котором, похоже, вообще не умели задерживаться никакие чувства. - Совет своим приказом передал пленника под мою ответственность.

- Приказ Императрицы отменяет любое распоряжение Совета, - оборвала ее гонец тоном, после которого спорить хотелось меньше всего. - Ваше присутствие, сотница, не требуется. Указания получите утром.

Я видел, как у Влады заходили желваки, однако перечить слову самой Императрицы она не посмела. Уже когда меня уводили, она успела поймать мой взгляд, и по тому, как дрогнули ее губы, я понял, что она хотела добавить что-то еще, только подходящих для чужих ушей слов так и не нашлось.

Узкие улочки вывели на широкий проспект, где вдоль каменных стен чадили факелы, а потом впереди поднялась громада дворца, ошетилившаяся шпилями над тяжелыми резными воротами. Меня вели через внутренние дворы, и каждый следующий оказывался богаче предыдущего, пока наконец не впустили в крыло, где пышность делалась какой-то домашней, почти интимной, и я догадался, что попал в личные покои.

У высоких дверей с перламутровой инкрустацией стража меня остановила. Старшая по чину придирчиво оглядела меня с головы до ног и, поморщившись, собственноручно поправила ворот моей рубахи.

- Держись достойно и отвечай, только когда спрашивают, - процедила она. - Ее Величество суеты не терпит, а глупых слов тем более.

Створки разошлись, и меня впустили в покои, где горели десятки свечей в высоких канделябрах. Резную мебель и шкуры редких зверей на полу я отметил лишь краем глаза, потому что взгляд сразу притянула женщина в глубоком кресле у окна.

По обрывочным рассказам я рисовал себе Императрицу Елизарию дряхлой старухой и крепко ошибся: передо мной сидела статная женщина лет сорока пяти, с властной осанкой и красивым лицом, на котором годы оставили скорее печать опыта, чем следы увядания. Темные волосы, тронутые сединой, были убраны в строгую прическу, а карие глаза смотрели внимательно и жестко, как смотрят те, кто десятилетиями решает чужие судьбы и давно перестал этому удивляться.

Она разглядывала меня молча, и под этим неспешным разбором мне сделалось не по себе.

- Подойди ближе, - велела она.

Я приблизился и замер в паре шагов от кресла. Елизария поднялась и неторопливо обошла меня кругом, как обходят коня на ярмарке.

- Северянин, - проговорила она, остановившись напротив.
- Донесения хвалят твоё здоровье и статью. Только здоровьем и статью здесь никого не удивишь, с границ таких привозят часто. Меня занимает другое.

- Позвольте узнать, что именно, Ваше Величество.

Она чуть склонила голову набок и прищурилась, изучая моё лицо.

- Достоинство, - обронила она. - Большинство мужчин, которых сюда доставляют, рыдают и молят о пощаде, пока от страха не растеряют всякий человеческий облик. Ты же глядишь прямо в глаза и взгляда не отводишь. Такое встречается редко.

- Возможно, я пока просто не разобрался, чего мне следует бояться, - признался я честно.

Уголок её губ дрогнул, и на лице мелькнуло что-то похожее на одобрение.

- Разумно сказано, северянин. - Она вернулась к креслу, однако садиться не стала и лишь оперлась ладонью о резную спинку. - Корону я ношу с юности. Полжизни я решаю, кому жить, а кому нет, и за эти годы почти забыла, каково это - быть обыкновенной женщиной, в которой никто вокруг не видит символа власти.

Для первой встречи откровенность была неожиданной.

- Личный осмотр, ради которого меня сюда привезли, - решил я, - подразумевает ведь кое-что помимо проверки здоровья.

Елиза́рия окинула меня оценивающим взглядом.

- Ты догадлив, - признала она. - Совет ждет от меня решения, отправить ли тебя в Терем Плодородия или оставить при дворе. Прежде чем решать, я хочу сама понять, чего ты стоишь, без всяких донесений.

Она шагнула ближе, и от нее повеяло теплом, глубоким и по-человечески живым, которое пряталось под многолетней привычкой повелевать.

- Ты меня боишься, северянин, я же вижу, - заметила она вполголоса.

- Палача я боялся бы иначе, - ответил я, тщательно подбирая слова. - Но страх есть, врать не стану. Мне страшно оттого, что от моего ответа зависит слишком многое, а здешних правил я не знаю.

Ее лицо неувловимо смягчилось.

- Здесь, в этих покоях, нет ни Совета, ни короны. Есть женщина, которая слишком долго забывала, каково это - чувствовать себя живой, и есть мужчина, чья судьба, как ни жестоко это звучит, зависит от того, разглядит ли он во мне кого-нибудь, кроме трона.

Я молчал, переваривая услышанное. Елиза́рия подошла вплотную, подняла руку и коснулась моей щеки, и в этом жесте было столько неуверенности, сколько трудно ожидать от женщины, привыкшей повелевать империей.

- Формально твою судьбу я решу в любом случае. Но эту ночь мне хочется разделить с тем, кто выбрал меня сам, по

своей воле, и страху здесь места нет.

Ее честность отозвалась во мне чем-то теплым. Я жалел эту уставшую от одиночества женщину, однако к жалости примешивалось понимание, что тирана передо мной нет, есть человек, который так долго носил маску, что и сам позабыл, как ее снимают. Я положил ладонь поверх ее руки и прижал крепче к своей щеке.

- Я никуда не уйду, Ваше Величество.

Елизария коротко выдохнула, отпуская напряжение, и подалась ко мне. Ее поцелуй отличался от Влады: в нем жило желание снова ощутить, что ее хотят, и о долге перед Империей в эту минуту она явно не вспоминала.

Дар откликнулся почти сразу, теплая волна поднялась откуда-то из глубины, и Елизария вздрогнула, оторвалась от моих губ и уставилась на меня в недоумении.

- Что ты со мной делаешь? - выдохнула она с искренним изумлением.

- Объяснить я не сумею, - ответил я. - Просто позволь себе чувствовать.

Она прикрыла глаза на мгновение, а потом опять потянулась ко мне, и властности в ее движениях уже не осталось ни капли, осталась женщина, которую слишком долго лишали простого человеческого тепла.

Шелковое покрывало на широком ложе холодило спину, когда мы опустились на него, и я нарочно не торопился, распуская шнуровку ее платья. Поначалу плечи у нее оставались

напряженными, и я провел губами по ее шее, от уха вниз, туда, где под тонкой кожей билась жилка, пока напряжение не начало уходить из нее вместе с прерывистым выдохом. Ладонью я скользнул вдоль ее спины к пояснице и задержался там. Елизария сама прижалась ко мне, неловко, как человек, вспоминающий давно забытое движение.

Когда я коснулся губами соска, она коротко ахнула. Дар разгорался все ярче, отзываясь на ее доверие, и я ощущал, как между нами протягивается что-то глубже телесной тяги, привязанность, рождавшаяся прямо тут, на смятом шелке. Я целовал ее живот, гладил внутреннюю сторону бедер, и с каждым прикосновением с нее спадал очередной слой брони, которую она носила годами, пока из груди не вырвался тихий стон, какого она, судя по растерянному взгляду, не издавала очень давно.

Когда мы соединились, она на мгновение замерла, привыкая, а потом сама подалась навстречу, сперва осторожно, затем все увереннее. Я подстроился под ее ритм, придерживая ее за ягодицы. Пик настиг ее резко: она вцепилась мне в плечи с силой, неожиданной для женщины ее положения, бедра свело дрожью, все тело на миг окаменело, и она застонала в голос, протяжно и так искренне, что я невольно ощутил гордость. Потом она обмякла подо мной, тяжело дыша, и не сразу разомкнула веки, а когда разомкнула, в ее глазах плескалось потрясение пополам с благодарностью, и глубже пряталось нечто, очень похожее на зарождающуюся зависи-

мость.

- Сколько же лет, - прошептала она, все еще не вполне веря случившемуся, - сколько лет я не чувствовала ничего подобного, даже в молодости. Ты хоть понимаешь, что это значит? - В голосе снова прорезалась прежняя властность, хотя в глазах еще не улеглось недавнее потрясение. - Такой дар - редкость, о какой Совет и мечтать не смел. Ради него они пойдут на что угодно, лишь бы удержать тебя при дворе, да и я сама пойду.

Ее слова отрезвили меня. Способность к зачатию отходила на второй план, теперь во мне обнаружилось кое-что куда более желанное, и это превращало меня в добычу, за которую станут драться всерьез.

За неплотно задернутой портьерой, отделявшей спальню от смежной комнаты, что-то едва заметно шевельнулось, прощуршала ткань, как если бы кто-то поспешно отступил в тень. Елизария тоже это уловила, но виду не подала, только прищурилась на миг в ту сторону, прежде чем снова перевести взгляд на меня.

- Похоже, мы здесь не одни, Ваше Величество, - проронил я вполголоса.

Она усмехнулась.

- Мои гвардейки не смеют переступить порог без зова, но и оставить меня наедине с пленником без присмотра тоже не смеют, какой бы приказ я ни отдала. - Она поднялась с ложа с прежним достоинством. - Думаю, за портьерой стоят

те, кто доставил тебя во дворец. Любопытство пороком не считается.

Я невольно напрягся: кто-то, быть может Лада, видел все от начала до конца, и неловкость во мне мешалась с тревогой за собственное будущее.

Елизария подошла к столику у окна, наполнила кубок вином и протянула мне.

- О наблюдателях не беспокойся, - проговорила она, вновь опускаясь в кресло с царственной невозмутимостью. - Этой ночью решается твоя судьба, северянин, а возможно, и судьба всей Империи. Совет ждет моего слова к рассвету. Теперь, когда я знаю, на что ты способен, отпускать такую находку в Терем Плодородия, к десяткам безликих просительниц, что дожидаются очереди на зачатие, я не собираюсь. Ты остаешься при дворе, под моим личным покровительством, - отчеканила она тоном, исключавшим любые возражения. - Так что готовься: за твое внимание развернется борьба куда серьезнее, чем ты можешь себе представить.

Осмыслить услышанное я не успел: за той же портьерой опять шевельнулись, теперь заметнее, и в полумраке коротко блеснуло то ли лезвие, то ли драгоценная застежка, после чего тень снова застыла, продолжая следить за тем, что происходит в спальне Императрицы.

Глава 4

- Руки подними, северянин, и не дергайся, вода у нас не кусается.

Банщица была немолода, широка в кости, с закатанными до локтей рукавами и красными от кипятка предплечьями, и распоряжалась мной с тем же спокойствием, с каким, наверное, распоряжалась бельем в корыте. Меня вывели из императорской спальни еще затемно, провели узким служебным переходом, где под ногами поскрипывали доски и где-то за стеной ворчала кухня, и втолкнули в мыльню - низкую, жаркую, пропаренную так, что с балок срывались тяжелые капли и шлепались мне на плечи. Девушки помоложе возились у печи, подкидывали березовые поленья и старательно отворачивались. Одна все равно косилась, и я видел, как у нее розовеют уши.

Я поднял руки. Лыковая мочалка прошлась по ребрам, по животу, ниже, деловито, как по конской спине, и я стиснул зубы, уставившись на закопченную балку. Тело Гриши отзывалось на любое прикосновение с какой-то оскорбительной готовностью, кровь прилиwała туда, куда ее не звали, и банщица хмыкнула, заметив это, - одобрительно, как хозяйка, у которой опара поднялась с первого раза.

- Здоров, - бросила она девушкам через плечо. - Вот что значит лесная кровь. Наши, теремные, к зрелым годам кве-

лые, как прошлогодняя репа, а этот - гляньте-ка, стоит, буд-то на смотр вызвали.

Девушки приснули в рукава. Я закрыл глаза и попытался думать о чем угодно другом - о научном руководителе, о зачетке, оставшейся в рюкзаке на подоконнике архивного корпуса, о том, что в моем мире сейчас, наверное, тоже утро и кто-то пьет кофе из автомата. Не помогало.

Всю дорогу из спальни перед глазами крутилась одна картинка: пальцы Елизарии на моих плечах, впившиеся так, что под кожей до сих пор ныли тупые отметины, ее лицо после - растерянное, мокрое, почти девичье, и то, как стремительно, за какие-нибудь несколько вдохов, это лицо снова застыло в царственную маску. «Я не намерена отпускать подобную находку». Найдку. Так говорят о кладе, который выкопали на огороде и теперь прикидывают, кому бы его сбыть подороже.

Банщица окатила меня из ковша, и я охнул - вода оказалась ледяной, колодезной, от нее свело лопатки.

- Для крови полезно, - пояснила она равнодушно. - Ее Величество велела подготовить тебя как следует. После полудня осмотр. Настоящий, по уставу, с лекаркой Думы и с писчей, чтобы все в книгу занести.

- Разве ночного осмотра мало? - выдавил я, отфыркиваясь и стряхивая капли.

- То была ее прихоть, милоч, - хмыкнула банщица и сунула мне в руки грубое полотенце. - А прихоти в книгу не пишут. В книгу пишут то, что Дума потом с Императрицы спросит,

и спросит строго, уж поверь старой Агафье.

Мне выдали новую одежду: рубаху из тонкого беленого льна, мягкие штаны, пояс, расшитый красной нитью. Все сидело чуть свободно и явно шилось на кого-то другого, повыше и пошире в груди, и я вдруг подумал, что прежний хозяин этой рубахи, возможно, тоже был пленником, и неплохо бы знать, где он теперь. Спрашивать я не стал.

Осмотр проходил в светлой палате с высокими окнами. Посреди палаты стоял длинный стол, за ним сидела писчая - худая девица с чернильным пятном на мизинце и таким унылым лицом, будто ей предстояло переписывать амбарную опись. Рядом с ней, опираясь на клюку, возвышалась лекарка Думы. Старуха - древняя, с кожей, сморщенной, как печеное яблоко, и с глазами неожиданно ясными, светло-голубыми, цепкими. На груди у нее висела серебряная пластина с тем же гербом, что я видел у городских ворот: мечи крест-накрест под короной.

У дальней стены стояла деревянная решетка. Резная, тонкой работы, с узором из листьев и птиц, а за ней в полумраке угадывалась ниша - не то каморка, не то проход в соседний покой. Я скользнул по ней взглядом и сразу понял, кто там стоит. Влада. Где-то под ребрами дернулась тонкая нить, протянувшаяся во мне к Владе, и отозвалась легким теплом. А рядом ощущалось что-то другое, незнакомое, собранное в тугой узел. Лада. Она тоже смотрела на меня сквозь резных птиц - пристально и жадно.

Елизария вошла последней. Свиту она оставила за дверью. Темно-вишневое платье с высоким воротом, волосы убраны под тонкий золотой обруч. При дневном свете она казалась старше: у губ залегли складки, на висках серебрились пряди, которых я ночью не разглядел при свечах. Она опустилась в кресло у окна, расправила подол и кивнула лекарке.

- Начинай, Добронег. И пусть Милава пишет каждое слово, Дума любит подробности.

Старуха заковыляла ко мне. Ее пальцы - сухие, горячие, неожиданно сильные - ощупали мне челюсть, оттянули нижнее веко, прошлись по шее под ушами, где что-то проверяли, надавливая и отпуская. Потом она велела снять рубаху и долго водила ладонью вдоль позвоночника, бормоча себе под нос, и писчая скрипела пером так старательно, будто от ее усердия зависела судьба урожая.

- Спина ровная, кость широкая, зубы все, - диктовала Добронег. - Жар в крови ровный, лихорадки нет. Семенная сила... - Она запросто положила ладонь мне пониже живота, прямо поверх льняных штанов, и я дернулся. - Стой, дурень, я таких, как ты, немало перещупала, и все дергались. Семенная сила есть, и немалая. Пиши, Милава: годен.

- Это я знаю и без тебя, - ровно отозвалась Елизария из кресла. - Меня занимает другое. Ты чувствуешь в нем что-нибудь? То, о чем я тебе говорила утром.

Старуха убрала руку. Отступила на шаг, опираясь на клю-

ку, и впервые взглянула мне прямо в глаза. Так долго, что у меня защипало веки, но отвести взгляд почему-то не получилось - светло-голубые зрачки держали, как крючок держит рыбу.

- Жар от него идет, государыня, - произнесла она совсем другим голосом, низким и сиплым. - Ничего подобного не ощущала с тех пор, как бабка моя меня травам учила. Такой, какой от наших мужиков не идет уже много поколений. С тех самых пор, как проклятие легло.

- Это Атрибут? - Елизария подалась вперед.

- У мужчин его не бывает, - отрезала Добронег, и в ее голосе прозвучало упрямство человека, который всю жизнь держался за одну истину. - И никогда не было. Это другое. Старое. - Она пожевала губами и вдруг, понизив голос, добавила: - Про такое в Спящих сказаниях писано. Про того, кто придет и разбудит.

Перо писчей замерло над бумагой.

- Не пиши этого, - бросила Елизария, не поворачивая головы, и девица поспешно отдернула руку от листа. - Добронег, ты стара, и ум у тебя уже не тот. Сказания - для детских и для монастырских келий. Мне нужно знание. Сказки оставь послушникам.

- Тогда проверь сама, государыня, - старуха пожала костлявыми плечами. - Ты и так собиралась.

Елизария поднялась. Подошла ко мне, остановилась так близко, что я различил тонкие морщинки в уголках ее глаз и

родинку под левой ключицей, едва выглядывающую из-под ворота. Ее ладонь легла мне на грудь - на голую кожу, туда, где под ребрами колотилось сердце, - и неторопливо поползла вниз, к животу, изучающе, по-хозяйски, так щупают ткань на ярмарке. Я чувствовал на себе взгляды из-за решетки, чувствовал взгляд писчей, которая старательно делала вид, что изучает свои чернила, и от этого унижительного многолюдья кожа горела сильнее, чем от прикосновения.

- Ночью ты не знал, что делаешь, - проговорила Елизария тихо, почти ласково. - Я видела твое лицо. Ты удивился не меньше меня. А сегодня ты будешь знать. И я хочу, чтобы ты сделал это нарочно. Покажи мне, что это не случайность, не луна, не вино, не моя усталость. Покажи, что это ты.

- А если я не умею нарочно? - Я постарался, чтобы голос не дрогнул, хотя под ее ладонью живот свело так, что стало трудно дышать.

- Тогда научишься, - пальцы на моей коже чуть сжались, ногти царапнули едва ощутимо. - Для мужчины, северянин, в этой империи есть два дома. Мой и Терем Плодородия. В моем доме шелк и вино. В Тереме тебя будут водить к просительницам по очереди, каждую ночь новую, пока ты не высохнешь, как колодец в засуху, а потом отправят на кухню колоть дрова. Выбирай, какой дом тебе больше нравится.

Она убрала руку и отступила на шаг.

- Добронега, Милава, свободны. Запишите: осмотр продолжен в личных покоях по воле Императрицы. - Она помол-

чала и добавила, чуть повысив голос в сторону резной решетки: - А вы, мои дорогие, останетесь при мне. Обе. Как и ночью. Только теперь по приказу. Любопытство свое оставьте за дверью.

За решеткой шевельнулись.

До вечера меня держали в маленькой комнате при императорских покоях, где из мебели была только лавка, умывальный таз да сундук, запертый на висячий замок. Окно выходило во внутренний двор. Я простоял у него половину дня - смотрел, как гвардейки меняются на постах, как пересекает двор ключница с тяжелой связкой на поясе, как пробегают девчонки-посыльные с корзинами, как в дальнем углу у колодца точит меч рыжая воительница, раз за разом проводя бруском по лезвию.

На историческом нам как-то рассказывали про византийских евнухов, которые из дворцовых комнатушек управляли империей через ключниц, писцов и начальников стражи. Преподавательница тогда смеялась, что любая власть держится на людях, которые носят ключи. Кто носит ключи от моей двери? Влада. Кто решает, куда меня вести и когда? Лада - если верить ее словам у городских ворот и тому, как почтительно с ней раскланивались служанки. Сестры. Одна при мече, другая при печати. И обе стояли сегодня за резной решеткой, и я чувствовал их обеих так же явно, как чувствуют сквозняк в комнате.

Когда стемнело, за мной пришли.

На этот раз Императрица ждала меня не в кресле у окна. Она стояла посреди спальни в одной рубашке из тончайшего полотна, простоволосая, босая, и распущенные волосы, густые, тяжелые, с частой проседью, спускались ей почти до поясницы. В углу, за той же портьерой, теперь было откинута полотнище, и в глубине угадывалась скамья, а на скамье - две фигуры. Лица тонули в тени. Я видел только светлую стриженую макушку Влады и блеск броши-сокола на плече у Лады. Мне стало тошно.

- Не обращай на них внимания, - проговорила Елизария, проследив за моим взглядом. - Они здесь затем, чтобы видеть и запомнить. Завтра Лада передаст Думе все, что сочтет нужным, а Влада подтвердит. Свидетельницы. Так положено по закону о мужском праве, и не мне этот закон нарушать.

- Мне казалось, закон здесь - вы.

- Я лишь слежу, чтобы люди следовали законам, - она усмехнулась. - Подойди.

Я подошел. Она стянула мою рубаху через голову, и я остался стоять перед ней обнаженным по пояс, чувствуя на спине взгляды из угла. Елизария провела пальцами по моим ключицам, по плечам, по свежим отметинам от собственных ногтей, оставшимся с прошлой ночи, и в глазах ее мелькнуло что-то похожее на удовлетворение собственницы, разглядывающей клеймо на коне.

- Ты не хочешь меня, - выдохнула она почти беззлобно, изучая мое лицо. - Я вижу. У меня морщины, у меня седина,

у меня тело, которое родило и схоронило. Ты смотришь на меня и думаешь о молоденьких.

Я промолчал. Врать ей в лицо было бессмысленно.

- Это неважно, - продолжила она спокойно. - Для того, что нам нужно, твое желание необязательно. Нужен твой дар. Мне говорили, мужчины из Теремов способны делать свое дело, думая о чем угодно - о доме, о еде, о прежних подружках. Думай о ком хочешь. А дар отдай мне.

И я вдруг понял, что могу. Понял там, стоя перед ней, когда ее ладонь снова легла мне на грудь. Теплая волна, которая прошлой ночью поднялась во мне сама, непрошеной, сейчас лежала где-то внутри, в глубине живота, свернувшись, как зверь в норе. И я ее видел. Ощущал ее границы, ее вес. Мог коснуться - и зверь приоткрывал глаза. Мог отпустить - и зверь снова засыпал. Это было похоже на то, как впервые осознаешь, что умеешь шевелить ушами: всю жизнь мышца была на месте, а ты о ней не знал. Я коснулся.

Елизария охнула. Ее пальцы на моей груди дрогнули и сжались, и она распахнула глаза, глядя на меня с изумлением, которое тут же сменилось острым интересом.

- Вот, - прошептала она. - Вот оно. Сейчас ты сделал это сам.

Я не ответил. Я взял ее за запястье, отвел ее руку от своей груди и потянул к ложу.

Она опустилась на кровать, откинулась на локти, и полотняная рубашка задралась выше колен. Я провел ладонью от

ее щиколотки вверх, по икре, по внутренней стороне бедра. Дар шел следом за моей рукой - я чувствовал, как он стекает с пальцев, как ее тело впитывает его и отзывается. Елизария задышала чаще. Я потянул рубашку выше, и отбросил на пол.

Тело у нее было крепким, ухоженным, на животе тянулись тонкие серебристые следы давней беременности. Я коснулся их губами. Она вздрогнула всем телом и схватила меня за волосы, собираясь не то оттолкнуть, не то притянуть ближе, и так и застыла, не решив.

Я перестал думать о решетке, о скамье в углу, о Думе. Я думал о звере в животе. О том, сколько отпустить.

Сначала - совсем немного. Губами по груди, по темному соску, который сразу затвердел под языком, и одновременно - тонкую струйку тепла, ниточку, едва ощутимую. Елизария застонала сквозь стиснутые зубы и запрокинула голову на подушки, волосы рассыпались по шелку серой волной. Я прибавил. Ладонью между ее бедер, пальцами в горячую влагу, неторопливо, кругами, и тепло следом - щедрее, плотнее. Она дернулась навстречу моей руке, раз, другой, ее колени разошлись шире, пятки заскребли по покрывалу, и дыхание сорвалось в хриплые, рваные всхлипы.

И тогда я придержал. Рука осталась на месте, зато внутри я прикрыл дверь. Зверь в животе замер, и волна, которая уже поднималась в ней к самому краю, повисла. Застыла на гребне, не опадая и не обрушиваясь. Елизария распахнула глаза. Я видел, как она ищет это ощущение, как ее бедра двигают-

ся вслепую, пытаюсь поймать то, что только что было рядом, как ее тело дрожит на грани, в полушаге.

Я держал. Сердце у меня колотилось где-то в ушах, и от усилия на лбу выступил пот. Я чувствовал ее тело, как чувствуют натянутую тетиву, и понимал: одно касание - и она сорвется. Одно промедление - и она начнет умолять.

Она начала умолять без слов. Глазами. Она, Императрица Елизария, самодержица, перед которой склонялась Дума, смотрела на меня закусив губу, и ее тело дрожало под моей ладонью. Я раздвинул ее колени шире и подался внутрь одним сильным толчком, до упора, и в ту же секунду отпустил себя целиком.

Ее тело сжалось вокруг меня так судорожно и мощно, что у меня потемнело в глазах. Она закричала, и крик этот рос, переходил в рыдание, а внутри она стискивала меня горячими спазмами, будто ее тело пыталось удержать то, что получило, и не выпускать больше никогда. Я двигался в ней, продлевая, выжимая, отдавая дар толчок за толчком, и ее ногти раздирали мне спину, ноги обвились вокруг моей поясницы капканом, и я чувствовал, как по бедрам у нас обоих течет мокрое, как на шее у нее бьется жилка - часто-часто, как у пойманной птицы.

Моя собственная разрядка пришла следом, тяжелая, до звона в ушах, и я уткнулся лицом в ее плечо, вздрагивая, и несколько долгих вдохов не мог ни пошевелиться, ни думать.

Сначала пришел озноб. Пальцы онемели до запястий. Я

попытался приподняться на руках и чуть не рухнул обратно: мышцы отказывались держать, будто я полночи бежал по сугробам. Из носа что-то потекло. Я провел ладонью по губе - на пальцах осталась кровь. Вот оно что. Вот какую цену берет дар, если выпускать его нарочно и всего сразу.

Но хуже было другое. Под ребрами, там, где раньше отзывалась тонкая ниточка к Владе, теперь натянулась еще одна - к женщине подо мной. Натянулась толстым, грубым канатом, и когда я отстранился и скатился на бок, этот канат потянул меня обратно. Физически. Тело хотело к ней. Ладони хотели лежать на ее коже.

Елизария повернула голову, и я увидел ее лицо - мокрое от слез, со спутанными прядями, прилипшими к щекам. Губы у нее дрожали. Она смотрела на меня так, как смотрят на явление святой в церкви - с потрясением и страхом.

- Еще, - прошептала она, и губы ее едва шевельнулись. - Сделай это снова, сейчас же, я хочу еще.

- Я не могу, - выдавил я, стирая кровь с губы. - Взгляните на меня, Ваше Величество. Я едва руку поднимаю.

- Еще раз, северянин, - повторила она громче и вцепилась мне в запястье с неожиданной силой. - Твоя императрица приказывает.

- Воля ваша, Ваше Величество, только тело мое не слышит. Если я сейчас сделаю это снова, вы получите мертвеца в постели, а Дума получит повод спросить, как у вас на ложе умер единственный мужчина с таким даром.

Она отпустила мое запястье. Приподнялась на локте, и что-то в ее лице изменилось - жадное восхищение схлынуло, и из-под него, как из-под талого снега, проступила ярость. Она ударила меня. Наотмашь, открытой ладонью, так, что голова мотнулась на подушке и в ухе зазвенело.

- Ты держал меня, - проговорила она сквозь зубы, и голос ее дрожал уже от бешенства. - Ты нарочно держал меня на краю. Ты заставил меня... ждать. Меня. Ты смотрел, как я... - Она осеклась, и щеки ее вспыхнули багровыми пятнами. - Ты понимаешь, что за это в Империи отрубают руки? Мужчине не смеет управлять телом женщины. Мужчина служит.

- Вы сами велели сделать это нарочно, - ответил я, чувствуя, как горит скула. - Я сделал. Вы хотели убедиться, что это я. Луну и вино можете вычеркнуть, Ваше Величество.

Она замахнулась снова - и рука застыла на полпути, а потом бессильно упала на покрывало. Елизария отвернулась. Опустилась на край ложа спиной ко мне, ссутулилась, и я увидел, как вздрагивают под распушенными волосами ее лопатки. Она плакала беззвучно, как плачут люди, давно разочившиеся делать это при свидетелях, и от этого зрелища мне стало хуже, чем от пощечины.

- У меня был сын, - проговорила она, не оборачиваясь, так глухо, что я едва разобрал слова. - Святослав. Первый юноша в нашем роду за целый век. Весь город звонил в колокола, когда он родился. Бабки плакали на площади. Он прожил до весны своего пятого года. Кашлял, кашлял, и лекарки ниче-

го не могли сделать, и Добронег не могла, и все монастыри Империи молились за него, а он кашлял все тише и однажды утром просто перестал.

Я молчал. В углу, за откинутой портьерой, тоже стояла мертвая неподвижность, ни шороха, ни вдоха.

- После него я перестала чувствовать, - продолжала Елизавета все так же ровно, будто зачитывала указ. - Не только это. Все. Вкус еды, тепло солнца, радость от побед. Мы все перестали, северянин. Женщины Империи давно спят, даже когда ходят и правят. Мы забыли, зачем нам тела, кроме как для того, чтобы рожать. И рожать мы тоже почти разучились. - Она наконец обернулась, и лицо ее было мокрым, но уже спокойным. - А ты пришел и разбудил меня так быстро, что я не успела испугаться. И теперь я не знаю, благодарить тебя или казнить.

- Я бы предпочел первое, - пробормотал я.

Уголок ее рта дрогнул.

- Мне сорок пять лет. Лекарки говорят, у меня осталось совсем немного времени, чтобы понести. Ты - моя последняя надежда на наследника, и я не отдам тебя ни Думе, ни Терему, ни самому Богу, если он явится за тобой лично. - Она поднялась, подобрала с пола рубашку и накинула ее на плечи. Голос снова обрел металл. - Лада. Влада. Подойдите.

Полотнище в углу шевельнулось. Сестры вышли на свет одна за другой - Лада впереди, прямая, собранная, в темном платье, с непроницаемым лицом придворной, повидавшей

всякое. Влада следом, в гвардейском кафтане, бледная до синевы, с плотно сжатыми губами. Она не подняла на меня глаз ни разу. Смотрела в пол, в одну точку, где на половине темнело пятно от пролитого воска. А Лада, наоборот, смотрела. Прямо на меня, на мою голую грудь, на кровь под носом, на исполосованные плечи - и в ее серых глазах, так похожих на глаза сестры и совсем на них не похожих, горел холодный огонек. Так глядит купец на товар, который только что при нем подорожал многократно.

- Лада, - Елизария завязала шнурок рубашки у шеи неспешно, властным движением. - Завтра ты составишь расписание. Каждую ночь он у меня. Добронег будет давать ему отвары для силы, пусть подберет такие, чтобы восстанавливался быстрее. Если носом снова пойдет кровь, пусть лечит, но ночь пропускать нельзя. Днем - отдых, еда, прогулки по малому саду под охраной.

- Слушаюсь, государыня, - Лада склонила голову. - А Дума? Боярыни уже прознали. Утром от Всемилы Ростиславны прислали соболей и мед в расписных кувшинах - просит ночь для своей младшей. От княгини Уваровой - жеребца в подарок и то же самое. К полудню, думаю, выстроится целая очередь просительниц.

Я почувствовал, как в животе похолодело.

- Думе отказать нельзя, - Елизария поморщилась. - Иначе Всемила поднимет старух, и мне припомнят закон о мужском праве, по которому мужчина принадлежит Империи

целиком, и императрица ему не хозяйка. Дадим им по одной ночи в седмицу. Будешь выбирать тех, кто полезнее для короны, Лада, у тебя на это нюх. Остальное время - мое. Когда я понесу, можно будет подумать о большем.

- Что может быть больше каждой ночи? - вырвалось у меня.

Императрица скользнула по мне взглядом, в котором уже не осталось ни слез, ни растерянности.

- Добронег считает, что Спящие сказания не врут, - ответила она ровно. - Если ты правда умеешь будить, мне нужно, чтобы проснулись нужные люди. Верные мне. Те, кто сегодня колеблется, завтра будут есть у меня с руки, если узнают, что только через меня можно попасть к тебе на ложе. Это власть, северянин. Такой власти не было ни у одной императрицы до меня.

Вот тогда я понял окончательно. Меня будут доить. Досу-ха, по расписанию, с отварами для силы и лекаркой наготове, чтобы вовремя унимать кровь из носа. Будут разливать мой дар по кувшинам и раздавать нужным людям в обмен на соболей и голоса в Думе. А каждая ночь будет натягивать во мне новый канат - к Императрице, к младшей Всемилы Ростиславны, к княгине Уваровой и целой веренице незнакомых женщин, - пока этих канатов не станет столько, что меня разорвет на части.

- Влада, - Елизария повернулась к младшей сестре. - Ты отвечаешь за него головой. С этой ночи он живет в Соколи-

ной горнице, рядом с моими покоями. На дверях твои люди. Днем и ночью. Если он сбежит, если с ним что-нибудь случится, если он хотя бы пальцем поранится без моего ведома - с тебя спрошу. Поняла?

- Головой отвечу, государыня, - отозвалась Влада хрипло, все так же не поднимая глаз.

- Ступайте. Все.

Соколиная горница оказалась просторной. Широкая кровать под пологом, резной стол, на столе кувшин с водой и блюдо с пирогами, на стене - вытканый ковер с соколиной охотой: всадницы в высоких шапках, соколы на рукавицах, заяц, удирающий по снегу. На окне была решетка, узорная, красивая, и крепкая. Я проверил. Дернул все прутья по очереди, и ни один не шелохнулся.

Я умылся из таза, смыл кровь с лица и засохшую корку под носом, натянул чистую рубаху и лег на кровать поверх покрывала, не раздеваясь. Спать не мог. Под ребрами ныло и тянуло в сторону императорской спальни, как ноет рана перед дождем. Я лежал, стиснув зубы, и слушал, как мое собственное тело скулит по женщине, которую я не хотел.

Бежать. Бежать, пока связей немного. Пока я еще способен различать, где заканчивается мое желание и начинается привязка. Но куда? И как? Я не знал ни города, ни дорог. Я не умел держать меч - Гриша, наверное, умел, но память его приходила обрывками, и где-то там, остался навык охоты с копьем, для бегства из дворцов бесполезный. У меня не бы-

ло денег, не было друзей, не было оружия.

У меня были сестры. Я перевернулся на спину и начал думать, раскладывая по полочкам. Лада. Старшая, придворная, при печати. Она хочет влияния. Она прекрасно знает, что Императрица только что назначила ее распорядительницей моих ночей, и знает, какие подарки к ней потекут. Такой человек не станет рушить собственную золотую жилу. Если только не найдет чего-то получше.

Влада. Она уже ко мне привязана - я знал это. У нее есть совесть: она единственная в этом мире произнесла, что я человек. У нее есть гордость, и сегодня эту гордость растоптали, заставив смотреть с той скамьи. Я видел ее лицо. Она ненавидела каждую минуту. Совесть и гордость - слабые места у воина. Честолюбие и жадность - у придворной. Я лежал и чувствовал себя последней сволочью, потому что думал о женщине, которая поделилась со мной хлебом и своим телом, как о замке, к которому надо подобрать отмычку. И все равно думал.

За дверью слышались шаги. Кто-то остановился, звякнуло железо о косяк, и тяжело опустилось на лавку. Я знал, кто. Нить под ребрами потеплела. Я поднялся, подошел к двери и прижался к ней лбом.

- Влада, - позвал я вполголоса.

Доски едва слышно скрипнули, будто по ту сторону кто-то привалился к двери.

- Тебе велено спать, северянин, - донесся глухой голос. -

А мне велено следить, чтобы ты спал.

- Ты видела все, - проговорил я, не отрываясь от двери.
- С самого начала. Я чувствовал тебя там, за портьерой, все время. Как ты там сидела, как...

- Замолчи. - Голос ее сорвался. - Ради всех святых, замолчи, Гриша. Мне приказали. Я служу. Я гвардейка Императрицы с юности, и, если государыня велит мне стоять и смотреть, как... я стою и смотрю. Такова служба, и я ее выбрала сама.

- Ты не выбирала смотреть на то, как меня разливают по ковшинам для Думы.

Молчание по ту сторону стало таким плотным, что я слышал, как где-то в дальнем конце перехода капает вода в бочку.

- Ты ей руку отведешь, - прошептала наконец Влада, и в голосе ее сквозила такая горечь, что у меня сжалось в груди.
- Она к тебе прикипела. Я видела ее лицо. Она тебя теперь ни на шаг не отпустит. Никогда. А ты... - Она запнулась. - У тебя шла кровь. Я видела, как тебя трясло, когда ты с нее скатился. Это ведь от дара? Он тебя ест?

- Жрет, как огонь сухую траву, - признался я. - И привязывает. К каждой, с кем это случается. Я теперь чувствую Императрицу, Влада. Здесь, под ребрами. Тянет, как больной зуб. И тебя чувствую. По-другому, теплую. Ее - тяжелую, как цепь.

Долгая пауза. Потом доски снова скрипнули, и голос про-

звучал ближе, будто она прижалась к двери щекой.

- Почему ты говоришь мне это? Ты же понимаешь, что я обязана все доложить.

- Знаю. - Я закрыл глаза. - Иди и доложи. Только скажи честно, сотница, ты сможешь стоять за той портьерой каждую ночь, пока меня не выжмут досуха? Пока я не стану тем же, что мужики в Тереме, про которых банщица говорит «квелеые, как прошлогодняя репа»?

Молчание длилось так долго, что я решил, будто она ушла. А потом раздался звук, которого я не ожидал: короткий, сдавленный, похожий на всхлип, тут же задушенный.

- Спи, Гриша, - проговорила Влада совсем другим голосом, жестким, по-сотницки ровным. - Утром смена. Не зли меня.

Шаги. Лязг перевязи. Скрип лавки, на которую она снова опустилась, теперь уже поодаль от двери. Я постоял еще немного, прижимаясь лбом к шершавому дереву, потом вернулся к кровати. «Нет» она так и не произнесла. Это было уже кое-что.

Ужин мне так и не принесли, и пироги с капустой и яйцом, я доел холодными. Когда я поднял кувшин с водой, чтобы запить, из-под глиняного донышка выскользнул сложенный вчетверо клочок бумаги и спланировал на пол. Я поднял его. Развернул у свечи. Бумага была плотная, дорогая, с тисненым краем, а почерк - летящий, с острыми хвостиками у букв, явно привычный к письму. «Когда в часовне пробьют

полночь, не зови стражу. Что бы ни услышал. Лада. Кто еще во дворце мог подсунуть записку под кувшин, который поставят на стол по ее же распоряжению? Кто еще заранее знал, в какой горнице меня поселят? Я поднес бумагу к огню, и она занялась с краю, почернела, скорчилась и рассыпалась пеплом в медном подсвечнике.

Колокол в дворцовой часовне ударил, когда я уже почти задремал, привалившись к столбику кровати. Удары я не считал, с последним из них ковер на стене - тот самый, с соколиной охотой, - вдруг вздулся пузырем. Из-под нижнего края по половицам поползла полоска желтого света. Ковер откинулся в сторону. За ним в каменной кладке темнел узкий проем, которого еще минуту назад там не было, и в этом проеме, с масляной лампой в одной руке и связкой ключей в другой, стояла Лада. На ней был простой темный плащ с глубоким капюшоном, накинутый прямо на ночную сорочку, и под тонким полотном у нее вздымалась грудь, будто она бежала. Она поставила лампу на пол, прикрыла за собой ковер, и в ее глазах я разглядел тот же огонек, что горел в них у ложа Императрицы. Только теперь к нему примешивалось что-то лихорадочное.

- Сестра на посту, - прошептала она, не отводя от меня взгляда, и неторопливо потянула завязки плаща. - А значит, до другой смены у нас есть время. Мало, северянин, до обидного мало. Но на то, что я задумала, хватит.

Глава 5

Плащ соскользнул с ее плеч и лег на половицы. Лада перешагнула через него так. Рубашка на ней была из тончайшего полотна, почти прозрачного в свете лампы, стоявшей у ее босых ног, и я видел сквозь ткань все: высокую грудь с застывшими от ночного холода сосками, плавный изгиб талии, темную тень внизу живота. Она знала, что я вижу. Она для того и поставила лампу на пол, чтобы свет шел снизу и плотно просвечивало насквозь.

- Ты сжег записку, - проговорила она, скользнув взглядом по медному подсвечнику с горсткой пепла. - Умница. Значит, я в тебе не ошиблась.

- Проще было сжечь, чем объяснять, откуда у пленника дорогая бумага с тисненым краем, - отозвался я, не поднимаясь с кровати.

Лада улыбнулась. У нее была красивая улыбка - ровная, отточенная годами при дворе, из тех, что раздают послам и боярыням, и за ней решительно ничего нельзя было прочесть.

- Сестра за дверью, - она кивнула в сторону входа, понизив голос. - Сидит на лавке и злится. Так что говорить будем тихо, северянин, и недолго. Мне есть что тебе предложить, а тебе, полагаю, есть что дать мне.

Она подошла к кровати и опустилась на край, совсем

близко, так что ее бедро прижалось к моему колену сквозь покрывало. От нее тянуло ночным садом - какими-то белыми цветами, названия которых я не знал, и горьковатым дымком, будто она по дороге прошла мимо чьей-то жаровни.

- Я хочу ребенка, - произнесла Лада буднично, как производят цену на рынке. - И хочу его до того, как понесет государыня.

Я молчал, пытаюсь понять, где тут подвох.

- Ты книжник? - вдруг спросила она с легкой усмешкой.
- Нет, не отвечай, я сама вижу. Ты смотришь на меня так, будто листаешь летопись и ищешь, на какой странице меня зарежут. Хорошо. Тогда объясню как умному. Если Елизавета родит от тебя дочь, у Империи будет наследница с твоей кровью. Если родит сына - чудо, колокола, и сына этого у нее вырвет Дума, чтобы растить в Тереме как производителя, потому что закон о мужском праве не щадит даже императорских детей. Так или иначе, дети от тебя станут самой дорогой вещью в Империи. И у той, которая родит первой, будет в руках то, чего нет ни у одной боярыни. Ни у одной.

- И счастливицей, конечно, окажешься ты.

- Травница посчитала мои дни, - кивнула она спокойно. - Сегодня лучшая ночь на весь месяц. Завтра будет поздно.

- А взамен? - Я приподнялся на локте, глядя на нее в упор.
- Ты сама обещала, что тебе есть что предложить.

Лада наклонила голову, и прядь темных волос, выбившаяся из косы, скользнула ей на грудь, прямо по соску, и я пой-

мал себя на том, что слежу за этой прядью, и рассердился на себя.

- Ты хочешь бежать, - проговорила она тихо. - Я видела твое лицо, когда государыня раздавала тебя Думе. Ты победил так, словно тебе зачитали смертный приговор. И ты уже начал искать щели. Караулы считаешь, в окно смотришь по полдня, с моей сестрой через дверь шепчешься. Думаешь, ты один такой умный, северянин? Я при дворе с тех пор, как научилась делать реверанс. Я вижу, когда человек примеряется к воротам.

Меня обдало жаром, потом холодом. Она все видела. Весь мой день у окна, всю мою наивную бухгалтерию караульных смен.

- Допустим, - выдавил я. - И что дальше?

- Будет так, как я скажу. - Лада провела пальцем по моему колену, по бедру, неторопливо, ногтем, будто чертила на покрывале карту. - Сначала ты даешь мне то, что мне нужно. Потом мы поговорим о том, что нужно тебе. У меня есть подорожные грамоты, которые подписываю я, есть ключница, которая мне должна, есть ходы в стенах, про которые моя сестра не знает. Но все это - потом. Сегодня мне нужно твое семя, а твой побег подождет.

- А если я откажусь?

- Тогда утром я пойду к государыне и расскажу ей, что пленник замышляет побег и склоняет к измене сотницу гвардии. - Она улыбнулась. - Влада отправится на дальнюю

заставу, а ты - в Терем, под замок, с ошейником. Государыня тебя, может, и пожалеет. Мою сестру - вряд ли.

Я смотрел на нее и понимал: она рассчитала все заранее, до последнего слова. И еще я понимал, что другого пути у меня нет. Мне нужна была эта женщина. Ее грамоты, ее ходы. Если ради них требовалось лечь с ней - я сделаю это. Мысль была мерзкой.

- Ладно, - проговорил я глухо. - Твоя взяла.

- Условие у меня есть, - Лада подняла палец. - Твой дар оставь при себе. Я видела, что ты сделал с государыней. Как она ползала под тобой, как плакала. Мне нужен ребенок. Это оставь государыне. Ты будешь делать то, что я скажу, и так, как я скажу. Запомни это.

Она подняла руки, и из кончиков ее пальцев потекли нити.

Я уже слышал про Атрибуты - Влада обмолвилась о них у своего очага, - но видел впервые. Нити были серебристыми, тонкими, как паутина, и светились изнутри неярким лунным светом. Они выползали из-под ее ногтей, свивались между пальцами, покачивались, будто живые, и тянулись ко мне. Лада повела ладонью - и нити обвили мои запястья, одно, потом другое, туго, до легкой боли, и потянули в стороны, к резным столбикам кровати. Я дернулся. Нити держали крепче веревки, которой меня связывали конвойные на тракте.

- Моя бабка звала это Пряжей, - прошептала Лада, наклоняясь ко мне так близко, что ее дыхание коснулось моих губ.

- Ею связывают клятвы в Думе. А еще ею связывали мужчин, когда их было много и они не хотели слушаться. Не бойся. Это ненадолго.

Она выпрямилась, стянула с себя сорочку через голову и бросила ее на плащ, к лампе.

Потом взяла со стола огарок свечи, зажгла его от лампы и поставила на изголовье, на резную перекладину. Воск тут же потек по дереву. Лада обмакнула палец в горячий воск и провела им по моей груди - от ключицы к ключице, потом вниз, к животу, - воск обжег кожу и застыл коркой. Она зашептала что-то, едва шевеля губами - я разбирал только слово «род». Обряд.

Она оседлала меня грубо, по-хозяйски. Вцепилась ногтями мне в грудь, прямо поверх застывшего воска, и опустилась на меня резко, до конца, одним рывком, и зашипела сквозь зубы - от боли или от торжества, я так и не понял. Внутри она была горячей и тесной, и двигалась жестко, размеренно. Каждое движение било меня в самое нутро. Нити на моих запястьях натянулись, врезались в кожу. Я не мог коснуться ее, не мог ни ускорить, ни замедлить, я был распят под ней, а она смотрела на меня сверху и в ее глазах виднелся расчет пополам с упрямством.

Дар ворочался во мне, как пес на цепи. Я держал его. Держал честно, потому что мне нужна была ее помощь. Но под ребрами, начало твориться что-то странное. Нить к Владе, тонкая и теплая, вдруг раскалилась - сестра за дверью не

спала, сестра чувствовала, может быть, слышала ритмичный скрип кровати, и ее злость, ее боль, ее ревность текли по нити прямо мне в живот и плескались там, как кипятилок в котле. А рядом с ней завязывался новый узел - к женщине, которая сейчас сидела на мне верхом. Колючий, как рыболовный крючок.

Я не удержал. Дар выплеснулся из меня толчком, от одного неловкого ее движения, - и Лада замерла посреди рывка, будто ее ударили под дых. Глаза распахнулись. Рот приоткрылся. Нити на моих запястьях дрогнули, ослабли, пошли рябью, и я рванул руки - раз, и еще. Серебро рассыпалось у меня на коже холодными искрами и погасло. Руки были свободны.

Я схватил ее за бедра и перевернул, опрокинул на спину, прижал к ложу всем весом. Она забилась подо мной, пытаюсь вывернуться, ее пальцы снова заискрили серебром, но нити путались и таяли, едва родившись, и тогда она вцепилась мне в волосы и рванула. Я поймал оба ее запястья одной рукой и прижал над ее головой к подушке, как минуту назад она прижимала мои. Ее глаза горели бешенством. Я толкнулся в нее глубоко и сильно, и на этот раз не держал дар совсем.

Ее лицо изменилось. Бешенство смыло, как краску водой. Она закусила губу. Потом поднесла впилась зубами в собственное предплечье, чтобы не закричать, потому что за дверью была сестра, и стража, и весь спящий дворец. Ее бедра мелко затряслись. Дрожь поднималась по ней снизу вверх, от

пальцев ног, судорожно поджатых, к коленям, к животу, где мышцы ходили волнами под влажной кожей, к груди, к плечам, и все это время она не издала ни звука, только дышала сквозь стиснутые зубы и смотрела на меня распахнутыми глазами, и в глазах этих стояли слезы. Свеча на изголовье накренилась, воск плеснул мне на плечо, обжег - я даже не вздрогнул. Бесконечная дрожь все шла и шла по ее телу, не отпуская. Внутри она сжимала меня неровно, будто ее тело само не знало, отпустить или удержать, и когда я излился в нее, она наконец выпустила собственную руку изо рта, и на коже остался багровый полукруг от зубов.

Лада лежала неподвижно, глядя куда-то вверх, в темноту полога. Грудь ее вздымалась часто и неровно. Я скатился на бок, и меня тут же прошибло холодным потом. Кровь из носа на этот раз не пошла, зато пальцы опять немели, и под ребрами натянулся новый канат. Колючий, цепкий, с зазубринами.

- Я же просила, - прошептала она. - Я же велела тебе оставить дар при себе.

- Твои нити сами меня отпустили, - ответил я, глядя на ее профиль, на прилипшие к виску пряди. - Он выплеснулся сам, от твоей злости и от злости твоей сестры за дверь. У меня внутри теперь столько чужих чувств, что я не всегда понимаю, где мои.

Лада повернула голову.

- Никто и никогда не рвал мою Пряжу, - проговорила она.

- Ни одна боярыня в Думе. Ни одна из мятежных княгинь, которых я вязала клятвой. Даже мать. А ты...

Договорить она не успела. За дверью лязгнуло железо, заскрежетал ключ в замке, и дверь распахнулась так резко, что ударилась о стену и отскочила обратно. На пороге стояла Влада. Она была в одной рубаше и в штанах, босиком, с распущенным поясом, будто вскочила с лавки на ходу. В правой руке у нее был нож. А на левой ладони, раскрытой, поднятой перед собой, плясал огонь - настоящий, живой, рыжий, как костер на лесной опушке, и в его свете лицо у нее было страшным.

Она увидела все сразу. Смятое покрывало. Свечу на изголовье, оплывшую до основания. Ночную сорочку сестры на полу, поверх плаща. Меня, голого, с восковыми потеками на груди. И Ладу, которая лежала рядом со мной и даже не подумала прикрыться.

- Мне показалось, я слышу мышь в стенах, - выговорила Влада. Голос у нее был ровным, страшно ровным. - Большую мышь. Которая бежит по государынинным ходам и таскает государынины вещи.

- Закрой дверь, дура, - Лада приподнялась на локте, и в ее голосе прорезалась старшая сестра, та, что привыкла командовать младшей с колыбели. - Хочешь, чтобы сюда сбежался весь караул?

Влада пинком захлопнула дверь за спиной. Огонь на ее ладони вспыхнул ярче, лизнул запястье.

- Ты предала государыню, - проговорила она, и нож в ее руке дрогнул. - Она при нас обеих объявила, что он ее. Каждая ночь ее. А ты, стоило ей уснуть, пролезла к нему, как воровка через окно.

- Сестра моя, - Лада засмеялась тихо, коротко и спустила ноги с кровати, нагая, не стыдясь, - а кто первым уложил его на свою лавку? В тот же день, как приняла под охрану? Еще до того, как государыня его увидела?

Влада побелела.

- Откуда ты...

- Я знаю все, что происходит в этом городе, - отрезала Лада. - Это мое ремесло. Твоя соседка по терему, та, рябая, что торгует пряжей на Кожевенной улице, продает мне новости за полушку. Ты думала, никто не слышал, как вы стонали до полуночи? Ты думала, я не догадалась, почему ты в тот вечер открыла гонцу дверь растрепанная?

- Это было мое, слышишь? - Голос Влады сорвался на хрип. - Единственное, что за всю жизнь было моим. Государыня и ты тут ни при чем. Его доверили мне. Ты всегда все забирала - матушкины кольца, лучшую горницу, место при дворе, - все, что тебе нравилось. И теперь ты пришла забрать и это.

- Он собственность короны, Влада. Никому из нас он не принадлежит.

- Тогда зачем ты здесь?

- Ты у себя в тереме хотела того же, что и я сегодня. - Ла-

да шагнула к сестре, и на кончиках ее пальцев снова зазмеилось серебро. - Только я честнее. Я пришла за ребенком, и я свое получила. А ты что взяла тогда, кроме глупых вздохов у огня?

Огонь на ладони Влады взревел. Он взметнулся вверх длинным языком, и Лада отшатнулась, но пламя все равно лизнуло край ее волос. По комнате поплыла горькая вонь паленого. Серебряные нити хлестнули в ответ, обвинили Владу запястье с ножом, рванули вниз, нож звякнул об пол.

Как я успел, не знаю. Я слетел с кровати и встал так, что Лада осталась у меня за спиной, а Влада - спереди. Огонь с ее ладони опалил мне кожу на ребрах, а нити Лады, лопнув, хлестнули меня по плечу, и обе они замерли, потому что попали в меня.

А внутри у меня все взорвалось. Их ярость хлынула в меня по канатам с обеих сторон разом - раскаленная, как лава, от младшей, и колючая, ледяная, от старшей, - и там, в животе, где жил мой дар, столкнулась, завертелась воронкой, и я почувствовал, что дар больше не мой. Он рвался наружу, и я не мог его остановить. Не мог даже попытаться. Меня затрясло. Я схватился за край стола, чтобы не упасть, и дар выплеснулся из меня во все стороны сразу - в Ладу, во Владу, и я услышал, как они обе охнули в одну и ту же секунду.

Огонь на ладони Влады погас, будто его задули. Серебро на пальцах Лады рассыпалось пылью. Влада стояла передо мной, и ее глаза, только что полные бешенства, расшири-

лись, зрачки разлились во всю радужку. Она смотрела на мой рот. Я чувствовал спиной, как Лада прижалась ко мне всем телом, как ее дыхание обжигает мне лопатки. Влада первой впилась в мои губы. Грубо, до крови, будто ставила клеймо.

Это была война. Они тянули меня каждая к себе, как тянут добычу две рыси, и я, ослепший от дара, перестал понимать, где кончаются мои руки и начинаются их. Кровать застонала под нашим весом. Влада толкнула меня на спину и оседлала, сорвав с себя рубаху одним движением. Тело у нее было жестким, поджарым, с тугими мышцами на животе, и горячим, по-настоящему горячим. Она опустилась на меня и замерла на миг с приоткрытым ртом, а потом начала двигаться - яростно, резко.

Лада не уступила. Она опустилась на колени у изголовья, рядом с моим лицом, взяла мою руку, и потянула ее к себе, между своих бедер, где было мокро от недавнего. Прижала мою ладонь, и держала ее там своей рукой, направляя, требуя. Другой рукой она запрокинула мне голову и прижала мой рот к своей груди. Я ловил губами ее сосок, я двигал пальцами в ней, а на мне, двигалась ее сестра.

Дар лился из меня рекой. Я уже не отмерял его, не держал, не прятал - он хлестал в обе стороны, в каждую ровно столько, сколько она могла вместить. Я чувствовал, как во мне вьются канаты, свиваются в узел. Свечи в горнице качнулись все разом, огоньки наклонились к кровати, будто их потянуло сквозняком.

Влада дошла до края первой. Ее ладони, упертые мне в грудь, вдруг раскалились, как печные заслонки, и кожу обожгло. Ее скручивало изнутри, она упала вперед, уперлась ладонями в подушку по обе стороны от моей головы, и я услышал, как шипит и потрескивает полотно наволочки под ее пальцами. Все ее тело сотрясали толчки, короткие, частые, и с каждым толчком она глухо вскрикивала сквозь зубы, а внутри сжимала меня горячо, нестерпимо горячо, до боли. Крохотное рыжее пламя заплясало на краю подушки и тут же погасло.

Лада догнала ее, прямо под моей ладонью. Ее бедра стиснули мою руку, как тисками, она уронила голову мне на плечо, и ее темные волосы упали мне на лицо. Теперь я ничего не видел, только чувствовал, как с ее пальцев, вцепившихся в мое плечо, сыплются серебряные искры, щекочут кожу и гаснут, и как долго, прерывисто, рывками уходит из нее дыхание, будто она раз за разом пытается набрать его полной грудью и не может.

Меня вывело к пику последним. Будто кто-то схватил изнутри за все канаты разом и дернул. Я излился в Владу со стоном, перед глазами поплыли рыжие и серебряные пятна. Мне на мгновение показалось, что я падаю в колодец, у которого нет дна

Когда я снова начал различать горницу, сестры уже сидели порознь. Лада - у изголовья, натянув на колени край покрывала, и расплетала пальцами опаленную прядь, морщась,

как от зубной боли. Влада - на самом краю кровати, спиной к нам обоим, сгорбившись, и на ее лопатках блестел пот. На подушке рядом с моей головой темнели два коричневых отпечатка ладоней, прожженных сквозь наволочку насквозь.

Обе молчали. Не смотрели ни на меня, ни друг на друга. Они выглядели так, как выглядят люди, очнувшиеся после пьяной драки в чужом доме, - пристыженные, злые, испуганные тем, что сделали, и тем, что им это понравилось.

Мне было страшно тоже. Я лежал, раскинув руки, и слушал, как под ребрами гудят канаты, и понимал, что они переплелись. Теперь, думая о Владе, я чувствовал и Ладу. Обе сестры сидели у меня внутри одним горячим колючим клубком, и я не знал, развяжется ли этот клубок когда-нибудь.

- Утром... - начала Лада и откашлялась. - Утром наволочку надо сжечь. И простыню. Я пришлю служанку, которая мне обязана, она поменяет белье до того, как проснется ключница.

- Ты опять распоряжаешься, - глухо бросила Влада через плечо, не оборачиваясь. - Даже сейчас.

- Кто-то же должен. Или ты предпочитаешь, чтобы государыня увидела на его подушке твои ладони?

Влада дернулась, и я понял, что сейчас начнется все сначала. Я приподнялся. Голова кружилась, по груди стекал пот, смешанный с воском, обожженные места горели, но я заставил себя заговорить - негромко, отдельно, чтобы каждое слово было услышанною

- Я не хочу быть вашей вещью.

Они обе замерли.

- Ни одной из вас. И государыне я не принадлежу, как бы она ни считала. - Голос у меня дрожал, но я не останавливался. - Вы только что дрались за меня, как за соболью шубу на торгу. Вы говорите «мое», «я свое получила», «он собственность короны», а я сидел между вами и слушал, как меня делят. Я живой, у меня есть имя. И если вы обе думаете, что после этой ночи будете решать за меня - вы ошибаетесь.

Ни одна из них ничего не ответила. А потом канат, тянувшийся к императорской спальне, дернулся. Рванул меня изнутри так, что я задохнулся и согнулся пополам. Где-то там, за стенами, за переходами, в широкой постели под шелковым пологом проснулась Елизария - я почувствовал это так же ясно, как чувствуют удар. Проснулась с ощущением, что у нее что-то украли. Ее тревога, ее подозрение, ее злость потекли по толстому канату прямо в меня, навстречу злости сестер, и внутри опять поднялась круговерть, и в носу стало горячо и мокро. Я поднес ладонь к лицу. Кровь. она текла по губам, по подбородку, капала на покрывало.

- Гриша, держись, слышишь меня? - Влада метнулась ко мне, подхватила за плечи.

Горница накренилась. Свечи поплыли в сторону, превращаясь в длинные рыжие полосы. Я еще успел увидеть лицо Лады - белое, как полотно, с широко распахнутыми глазами - и услышать ее голос, долетевший откуда-то издалека, сквозь

нарастающий звон в ушах.

- Она проснулась. Ты чувствуешь? Он связан с ней. Если он умрет в эту ночь в этой горнице, с нами обеими в постели, Влада, нас не спасет даже Бог...

Дальше была только темнота.

Глава 6

Первым, что я почувствовал, была горечь - густая, травяная, от которой сводило язык и щипало небо. Кто-то держал мою голову и настойчиво вливал в меня эту дрянь с деревянной ложки, а я глотал, давился и снова глотал, потому что сопротивляться не было сил.

- Пей, пей, дурень, - ворчал над ухом знакомый сиплый голос. - Ишь, нос воротит. Кто ночью сам себе кровь пускал, тот утром горькое пьет без капризов.

Я разлепил веки. Надо мной нависало морщинистое лицо Добронег, ее светло-голубые глаза, неправдоподобно ясные для такой древней старухи, и серебряная пластина с гербом, качавшаяся на цепочке прямо у моего носа. За ее плечом в окно лился утренний свет, пробиваясь сквозь узорную решетку. Я скосил глаза на подушку - наволочка свежая, хрустящая, отдающая щелоком и речной водой. Ни пятнышка крови, ни следов опаленных ладоней. Лада сдержала слово: ее служанка успела поменять белье до того, как проснулась ключница.

- Который час? - прохрипел я.

- Полдень скоро, - Добронег отставила кружку на столик и вытерла ложку о передник. - Сотница твоя подняла меня среди ночи, прибежала в одной рубаше, волосы дыбом. Думала, помираешь. А ты и помирал, милоч, если хочешь знать.

Кровь у тебя шла так, что я уж хотела к бабушке в монастырь посылать.

Влада стояла у двери, привалившись плечом к косяку, в полном гвардейском облачении - кольчуга поверх стеганки, перевязь с мечом, волосы прибраны. Лицо у нее было серым от бессонницы, под глазами залегли тени. Она поймала мой взгляд и тут же отвела свой, будто обожглась.

Добронега тем временем расстегнула ворот моей рубахи и распахнула ее на груди. Я вспомнил, что там, и дернулся, но было поздно. Старуха уставилась на мою кожу. На ребрах, слева и справа от грудины, краснели два ожога - ровные, четкие, в форме растопыренных ладоней. Волдыри уже подсохли, но отпечатки были такими ясными, что по ним можно было, наверное, опознать руку. Добронега подняла глаза на Владу у двери. Влада смотрела в стену.

- Грелку, видать, неловко приложили, - проговорила старуха ровным голосом. - Бывает. Гусиным жиром смажу, через пару дней сойдет. - Она достала из своей котомки глиняную баночку, зачерпнула пальцем что-то желтое, отдающее хвоей, и принялась втирать мне в ожоги. - Государыне я про грелку так и скажу.

Влада у двери выдохнула - коротко, почти неслышно.

- Ты знаешь, отчего у тебя кровь пошла? - спросила Добронега, не прекращая растирать жир по моей коже.

- Догадываюсь, - ответил я. - Дар забирает силы. Когда отдаешь его много, он берет взамен.

- Дар жжет тебя изнутри, как свечу, которую запалили с двух концов, - старуха покачала головой. - Одной женщине отдаешь - тает с одного конца. Двоим разом - с обоих. Спящие сказания про это тоже писаны, если хочешь знать. Про то, что разбудивший не может принадлежать одной, потому что будить ему назначено многих, и про то, что многие его и сожгут, если он не выучится меру держать. - Она закрыла баночку и заглянула мне в лицо. - Еще одна такая ночь, и я тебя не откачаю. Уразумел?

- Куда уж яснее, - отозвался я тихо.

- Вот и умница. - Добронегя поднялась, опираясь на клюку, и заковыляла к двери. На пороге она обернулась. - А ты, сотница, в следующий раз, как понадобится грелку прикладывать, рукавицы надевай. Говорю, потому что сама молодой была. Давно, правда.

Дверь за ней закрылась. Влада осталась стоять у косяка, и ее щеки постепенно заливались краской - от шеи вверх, к скулам, до самых корней светлых волос.

Императрица пришла сама. Я узнал о ее приближении задолго до того, как в переходе раздались шаги: связь под ребрами натянулась и загудела, как струна, по которой провели пальцем, и в груди тяжело заворочались чужая подозрительность и чужой гнев, еще не нашедший, на кого обрушиться. Я запахнул рубаху и затянуть шнурок у ворота. Влада успела отлепиться от косяка и вытянуться, положив руку на рукоять меча.

Дверь распахнулась. Елизария вошла стремительно, в сопровождении рослой гвардейки с бляхой старшей стражи на груди - широкоплечей, с тяжелой челюстью и равнодушными глазами. Императрица была бледной, и под глазами у нее лежали тени. Она явно не спала.

- Мне доложили, что ночью бегали за лекаркой, - проговорила она с порога, не здороваясь. - Что у тебя шла кровь. Много крови.

- Еще немного, и Добронег позвала бы священника, Ваше Величество, - ответил я, приподнимаясь на подушках.

- И отчего же она шла?

- От вашей ночи. Вы получили все, что я мог дать, и еще немного сверху. Тело не выдержало.

Елизария прищурилась. Прошла через горницу, остановилась у кровати. Ее ладонь легла мне на лоб - проверяя жар.

- Я проснулась среди ночи, - произнесла она тихо, не убирая руки. - Проснулась, будто меня толкнули. Мне приснилось, что в моей сокровищнице хозяйничают воры. Что они уносят мои вещи, одну за другой, а я стою и смотрю и не могу пошевелиться. - Ее пальцы на моем лбу чуть сжались. - Я лежала до утра с открытыми глазами и чувствовала... тебя. Как ты мечешься. Как тебе плохо. И как что-то тянет тебя в стороны, будто растаскивают собаки.

Я молчал. Сердце колотилось так, что она наверняка ощущала его ладонью.

- Сотница, - Елизария повернула голову к Владе, не сни-

мая руки с моего лба. - Что здесь было ночью?

Я видел, как Влада сглотнула. Как на мгновение побелели ее пальцы на рукояти меча. А потом она подняла подбородок и ответила ровно, по-уставному, тем голосом, каким, наверное, докладывала о смене караулов с юности:

- После полуночи я услышала шум, государыня. Он кричал во сне. Я вошла, как положено по уставу, чтобы проверить, не случилось ли чего. У него шла кровь носом, он был в беспамятстве, бредил, метался. Я отправила девчонку-посильную за сестрой, потому что сестра знает, где ночует Добронег. Сестра привела лекарку. Добронег поила его отварами до рассвета. Больше в горнице никого не было.

Она солгала. Солгала глядя в глаза своей государыне, которой служила всю жизнь, - и голос у нее ни разу не дрогнул. Я видел только, как на шее у нее дергается жилка под воротом стеганки.

Елизария изучала ее долго. Потом перевела взгляд на меня.

- Почему ты кричал?

- Не помню, - соврал я. - Помню только, что внутри горело. Будто меня самого подожгли.

- Хм. - Императрица наконец убрала ладонь с моего лба. - Добронег говорит то же самое. Ладно. Сегодня ты отдыхаешь. Ешь, спи, пей свои горькие отвары. А завтра вечером я жду тебя у себя.

- Не пойду я к вам завтра, Ваше Величество, - выдохнул я.

Слова повисли в горнице, тяжелые, как брошенная на стол подкова. Рослая гвардейка за спиной Императрицы шевельнулась. Влада замерла. Елизария повернулась ко мне всем телом, будто не расслышала.

- Повтори, северянин. Мне почудилось.

- Вам не почудилось. - Я заставил себя смотреть ей в глаза, хотя канат под ребрами натянулся так, что заныло все нутро.

- Добронега объяснила ясно: еще одна такая ночь, и она меня не откачает. Вы хотите наследника. Мертвый я вам его не дам. Мне нужно время.

- И сколько же тебе нужно?

- Пока я не перестану истекать кровью после каждой ночи. Неделю, может, больше.

- Целую седмицу? - Она произнесла это так, будто пробовала на вкус что-то прокисшее. - Всемила Ростиславна ждать не станет, северянин. И я сама не могу, после того как... - Она осеклась и сжала губы в тонкую линию.

- Тогда ждите мертвеца, - ответил я тихо. - Мне все равно. Больше мне терять нечего.

Это было вранье. Мне было что терять - жизнь, как минимум, и нити, тянувшиеся к сестрам. Но она не должна была этого знать. Елизария наклонилась ко мне так близко, что я различил золотистые крапинки в ее карих глазах.

- Ты забываешься, - проговорила она очень тихо. - Ты мой. Ты вещь короны. И если вещь начинает перечить хозяйке, ее чинят. Или выбрасывают. У Добронеги есть отвар из смир-

ной травы. Мужчины в Теремах пьют его каждое утро. От него становятся послушными, как телята, и ни о чем не думают, кроме того, что им велят. Кровь от него не идет, сила не убывает. Правда, и дар, говорят, тускнеет. Но немного дара лучше, чем никакого.

У меня похолодели руки.

- Даю тебе сегодняшний день и завтрашнюю ночь, - продолжила Императрица, выпрямляясь. - Отлежишься. А послезавтра утром Добронега принесет тебе первую чашку. И ты либо выпьешь ее добровольно, либо тебя будут держать, пока не выпьешь. Выбирай.

- Пить я не стану.

- Ратмира. - Елизария, не оборачиваясь, щелкнула пальцами.

Рослая гвардейка шагнула к кровати. Ее тяжелая рука легла мне на плечо, и пальцы впились в мышцу, как клещи, пока только предупреждая, и потянули вниз, вдавливая в подушки. Я дернулся. И тут между нами оказалась Влада. Я видел по ее лицу, что она сама не поняла, как это сделала. Просто в одно мгновение стояла у двери, а в следующее уже стояла у кровати, и ее ладонь лежала поверх руки Ратмиры, сжимая ее запястье.

- Не трогай, - произнесла Влада негромко. - Ему нельзя. Лекарка запретила. У него внутри все горит, ты его убьешь.

Ратмира перевела на нее равнодушный взгляд.

- Отпусти мою руку, сотница.

- Сначала ты убери свою от него.

Елизария смотрела на Владу, и в ее глазах разгоралось что-то нехорошее - понимание, которое она пока не могла облечь в слова.

- Ратмира, отпусти, - проговорила Императрица наконец. Гвардейка убрала руку. Влада - тоже, и отступила на шаг, вытянувшись, будто ничего не случилось. Щеки у нее горели.

- Сотница, - голос Елизарии стал вкрадчивым, почти ласковым. - Ты сотница гвардии или нянька при пленнике?

- Я отвечаю за него головой, государыня. Вы сами приказали. Если Ратмира его убьет, спросите с меня.

- Верно. - Императрица кивнула, будто соглашаясь, но взгляд ее не смягчился ни на волос. - Так и будет, сотница, можешь не сомневаться. - Она повернулась к двери. - После завтра утром, северянин. Подумай хорошенько, что тебе дороже - твоя гордость или твоя голова. Ратмира, идем.

Дверь закрылась. Шаги затихли в переходе. Канат под ребрами ослаб, продолжая ныть глухо, как старый ушиб. Влада стояла посреди горницы, глядя на свою ладонь, ту самую, которой только что сжимала запястье Ратмиры. Потом сжала ее в кулак так, что проступили жилы на тыльной стороне.

- Зачем я это сделала? - прошептала она, не мне, себе. - Зачем, во имя всех святых?

- Спасибо тебе, - проговорил я.

Влада подняла на меня глаза, полные злости - на меня, на себя, на весь этот дворец.

- Не благодари меня, северянин. Я солгала государыне. Впервые за всю службу. Я, дочь боярского рода, давшая клятву на мече. - Голос ее сорвался. - И я сделала бы это снова, не раздумывая. Вот что страшно.

Она развернулась и вышла, хлопнув дверью.

Лада появилась после обеда, когда меня вывели в малый сад. Сад был крохотным, зажатым между стенами дворцовых крыльев: несколько яблонь с уже налившимися плодами, клумбы с поздними астрами, дорожка, посыпанная речным песком, и в дальнем углу - пруд размером с лошадиную поилку, в котором лениво поворачивались жирные золотистые рыбы. На скамье у входа сидели гвардейки, мои новые сторожа. Не Влада. Ее, судя по всему, отослали куда-то до вечерней смены.

Лада шла по дорожке с восковой дощечкой в руках, в сопровождении писчей, той самой унылой Милавы с чернильным пятном на мизинце. Лицо у Лады было деловым, придворным, и она поздоровалась со мной официальным кивком, как с человеком, который ей безразличен.

- Государыня велела составить расписание, - сообщила она громко, чтобы слышали стражницы на скамье. - Мне нужно задать тебе несколько вопросов о твоём здоровье и твоей силе. Милава, ступай к фонтану, запиши, какие цветы там цветут, государыня любит знать.

Милава побрела к пруду. Лада взяла меня под руку и повела по дорожке вдоль яблонь, неторопливым прогулочным

шагом, и со скамьи это, наверное, выглядело как беседа придворной дамы с полезным имуществом короны.

- Ты вел себя глупо, - проговорила она сквозь улыбку. - Отказать ей в лицо. При Ратмире. Ты хоть понимаешь, кто такая Ратмира?

- Судя по рукам, кузнец, который по ошибке пошел в гвардию.

- Ратмира - начальница личной стражи. Она не спит, не пьет, не ест из чужих рук и докладывает государыне обо всем, что видит. А видела она сегодня, как моя сестра заслонила тебя собой, как мать дитя. - Лада остановилась у яблони, будто разглядывая плоды, и сорвала одно яблоко, повертела его в пальцах. - Государыня вызывала меня утром. Спрашивала, кто ночью ходил в Соколиную горницу. Я ответила, что по зову сестры ходила за лекаркой, и больше не знаю ничего. Она поверила. Пока.

- А сестра твоя как же?

- Сестра моя врать долго не умеет. - Лада надкусила яблоко и поморщилась: кислое. - Сегодня она соврала хорошо, я слышала от Ратмиры, как она докладывала. Но это как с вином: первый кубок идет легко, а на пятом она расплечется и во всем сознается. Она не создана для этого. Ее учили рубить. Плести - мое ремесло.

- Ты хочешь ее сдать? - Я остановился и развернул Ладу к себе, забыв на миг про стражниц. - Чтобы спасти себя?

Ее серые глаза сузились.

- Вытащить нас всех, умник, вот чего я добиваюсь. Ее в том числе. Потому что, если государыня докопается до того, что было ночью, моей сестре отрубят руку, а меня в лучшем случае сошлют в монастырь до конца жизни. И ребенка, если он будет, - она невольно коснулась ладонью живота, коротко, тут же отдернула руку, - у меня отнимут. Так что не смей думать, будто я кого-то сдаю.

Она пошла дальше, и я поплелся за ней, чувствуя, как привязка к ней натягивается под ребрами. Ее страх тек ко мне - острый, тщательно запрятанный под придворной улыбкой.

- Смирная трава, - проговорила Лада негромко, когда мы дошли до угла сада, где стену оплетал дикий виноград. - Она говорила тебе про смирную траву?

- Обещала напоить меня ею послезавтра утром.

- Значит, у нас есть сегодня, завтра и ночь на послезавтра.

- Лада помолчала, крутя в пальцах надкушенное яблоко. - Я считаю варианты, и их до обидного мало. Белье из прачечной вывозят к реке на телегах, досматривают их кое-как, а ключница прачечной мне должна за дочь, которую я пристроила в писчие. Только телега тащится через весь город, и тащится долго. Еще есть посольство Думы, оно едет к княгине Уваровой в имение, при нем обоз, подводы, лишние люди, - но там на каждого беглеца по дюжине любопытных глаз. Речные ворота я даже не считаю, там стоят люди Ратмиры, а они взятки не берут.

- А твои ходы в стенах?

- Из дворца они выведут в город. - Она бросила яблоко в кусты. - Из города в поле ведут ворота, и на воротах стоит стража. Тебя знает в лицо половина столицы, северянин, ты забыл, как тебя провозили по улицам? Выйти мало. Нужно выйти так, чтобы до утра никто не хватился. А с утра еще и знать, в какую сторону бежать, чтобы Ратмира со своими людьми не догнала к полудню.

Лада повернула голову и окинула меня долгим, изучающим взглядом.

- Я еще не решила, стоишь ли ты того, чтобы я ради тебя бросила все. - Она оглянулась на скамью, где стражники уже начинали поглядывать в нашу сторону. - Решу к завтрашнему вечеру. Если Влада откажется, я одна не пойду. Без ее меча нам не пройти даже до конюшен.

Она возвысила голос, снова становясь придворной дамой:

- Благодарю за ответы. Государыне будет доложено, что пленник слаб и нуждается в отдыхе. Милава, идем.

И ушла по песчаной дорожке, прямая, строгая, с восковой дощечкой под мышкой, ни разу не обернувшись.

Вечером за мной прислали служанку. Конопатая, в белом переднике, она робко постучала и сообщила, опустив глаза в пол, что государыня желает видеть северянина после ужина. Повидать, быстро добавила она, покраснев, поговорить, узнать, как здоровье.

- Передай государыне, что я нездоров, - ответил я. - Лекарка велела лежать до утра.

Служанка ушла. Вернулась она через время, которое мне показалось бесконечным, и пролепетала, все так же глядя в пол:

- Ее Величество передает, что сегодня она милостива. Что завтра она будет милостива тоже. А послезавтра утром милость кончится.

Дверь за ней закрылась. Я лежал на кровати, глядя на ковер с соколиной охотой, и слушал, как тянет меня туда, в императорскую спальню, к женщине, которая сейчас, наверное, сидела на троне. Я чувствовал ее гнев. Ее нетерпение. И под ними - что-то совсем другое, чему я не хотел давать названия, потому что это было похоже на тоску. Тело хотело к ней. Я лежал и не шел.

Влада пришла после полуночи, когда сменилась стража. Кольчугу она уже сменила на стеганку, расстегнутую на груди, а перевязь с мечом тут же сняла и повесила на крюк у двери.

- Лада говорила с тобой, - проговорила она.
- Да. Считала варианты, прачечную да посольство Думы.
- И ни один не годится. - Влада опустилась на лавку у двери, уперлась локтями в колени и уронила лицо в ладони. - Я знаю. Я весь день думала. Стояла на посту в Малой галерее и думала, как увести тебя из дворца так, чтобы меня не повесили на воротах.

Я поднялся с кровати, подошел и опустился на лавку рядом с ней. Она не шелохнулась.

- Мне страшно, Гриша, - прошептала Влада в свои ладони.
- Я никогда ничего не боялась. На северной границе я рубилась с лесными племенами, меня однажды чуть не утащили в болото вместе с конем. Я не боялась. А сейчас мне страшно так, что руки трясутся. Смотри.

Она вытянула перед собой ладонь, и я увидел, как мелко дрожат ее пальцы. На кончиках вспыхивали и гасли крохотные рыжие искры, как угольки в остывающем очаге, будто ее Атрибут не мог решить, разгореться ему или угаснуть. Я взял ее руку в свою. Искры защекотали мне ладонь, теплые, покалывающие.

- Я боюсь с той минуты, как очнулся в повозке со связанными руками, - признался я.

Влада подняла голову. Ее глаза блеснули.

- Прошлой ночью... - она запнулась, сглотнула. - Прошлой ночью я ненавидела тебя с сестрой, да и себя заодно. То, что было, походило на пожар в сухом лесу. Меня несло, остановиться я не могла, мне было хорошо, до стыда хорошо, а рядом была Лада, и ее хотелось сжечь. Я не хочу больше так. Я хочу...

Она осеклась.

- Чего же ты хочешь? - тихо спросил я.

- Знать, что это я. - Она сжала мои пальцы так, что искры на ее коже погасли. - Там, у меня в тереме, в первый раз... ты ведь и тогда что-то делал со мной? Твой дар? Я чувствовала, будто изнутри поднимается теплое, чего не было никогда. А

теперь я думаю: может, это все он. Твой дар. Может, во мне самой ничего и нет, и никогда не было, и я просто пустая, как все мы, и ты наливаешь в меня тепло, как вино в кубок. - Она помотала головой. - Не трогай меня даром, Гриша. Сегодня не трогай. Хочу знать, осталось ли во мне хоть что-нибудь свое.

Я смотрел на нее и понимал, что она просит о самом страшном для себя. О проверке, которая может показать, что она пустая.

- Хорошо, - проговорил я. - Я закрою дар. Совсем.

И закрыл. Внутри, в животе, где жил дар, я задвинул засов, запер дверь, привалил ее камнем, и зверь недовольно заворчал, но остался на месте.

Влада раздевалась неловко, путаясь в завязках стеганки, и я помог ей, развязывая узлы один за другим, а потом стянул с нее рубаху, и ее кожа в лунном свете была бледной.

Я прижался к ее спине, обнял сзади, и некоторое время мы просто лежали так. Я чувствовал, как ее сердце бьется мне в ладонь, лежащую у нее под грудью, - часто, неровно, испуганно. Я целовал ее плечо, там, где оно переходило в шею, целовал лопатку, выступающую под кожей, как сложенное крыло, и она лежала неподвижно, напряженная, как тети́ва.

Постепенно напряжение уходило. Я гладил ее живот, ее бедро, ее грудь, неторопливо, не спеша, и ждал. Зверь внутри бился о запертую дверь, но я держал засов. Влада зады-

шала глубже. Она сама подалась назад, прижимаясь ко мне ягодицами, и я скользнул в нее сзади, неглубоко, осторожно, и замер, давая ей привыкнуть.

Мы двигались едва-едва. Больше покачивались, чем двигались. Я держал ее обеими руками, одной обхватив за грудь, другой - под животом, прижимая к себе, и чувствовал, как по ее спине идут мелкие волны дрожи, как она то напрягается, то снова отпускает себя, будто прислушиваясь к чему-то внутри. Ее пальцы нашли мою руку на своем животе, сжали, потянули ниже. Я понял. Ладонь скользнула вниз, пальцы нашли то, что искали, и я гладил ее там кругами, в том же ленивом, покачивающемся ритме, и не отпускал засов ни на миг, хотя зверь внутри уже выл и скребся.

Я не знаю, сколько это длилось. Луна успела сползти по решетке вниз, и тень от узора поползла по стене. Влада дышала все тяжелее, все прерывистей, и в какой-то момент ее пальцы стиснули мое запястье так, что хрустнули суставы. Она замерла. Я почувствовал, как все ее тело постепенно затвердело в моих руках, от пальцев ног до кончиков волос, и застыло так на долгий, бесконечно долгий вдох.

А потом оно раскрылось изнутри, как раскрывается бутон, лепесток за лепестком, волна за волной, теплыми, неспешными толчками, которые поднимались откуда-то из самой глубины ее живота и расходились по телу, как круги по воде от брошенного камешка. Она не кричала. Только выдыхала - долго, прерывисто, со всхлипом на каждом выдохе, и

внутри сжимала меня мягко, ритмично, будто ее тело вздыхало вместе с ней. По моей руке, лежавшей у нее на груди, текли ее слезы. Я чувствовал их - горячие, частые.

Мне было достаточно этого. Я не отпустил себя, не хотел, это было ее, только ее, и я держал ее, пока последняя волна не прокатилась по ней и не затихла где-то в кончиках пальцев. Мы долго лежали молча. Потом Влада повернулась ко мне лицом, и в лунном свете я увидел, что она улыбается. Мокрыми глазами, дрожащими губами, но улыбается.

- Это было мое, - прошептала она. - Ты держал его? Правда держал? Все это время?

- До последнего вдоха, - подтвердил я. - Дар сейчас, наверное, сгрыз мне всю печень от злости.

Она тихо засмеялась и уткнулась лбом мне в плечо.

- Значит, я не пустая. Значит, мы все... может, мы все не пустые. Просто спим. - Она подняла голову. - Как в сказаниях. Про того, кто придет и разбудит.

- Не превращай меня в легенду, - проговорил я. - Мне и в пленниках хватает хлопот.

Связь, тянувшаяся к ней, стала другой. Я чувствовал это отчетливо. Раньше она была тонкой нитью. Теперь она окрепла, налилась. Просто была рядом, как тепло очага в соседней комнате. Влада поднялась, нашарила на полу рубаху, натянула ее, потом штаны, стеганку, путаясь в завязках, и я снова помогал ей. Она рассмеялась, прикрывая рот ладонью. Потом опоясалась перевязью с мечом и подошла к двери.

- Я возвращаюсь на пост, - проговорила она, берясь за ручку. - Утром мы с сестрой соберемся и решим. А ты подумай про путь.

- Я кое-что придумал.

Она кивнула и открыла дверь. И замерла на пороге. К железному кольцу двери снаружи было привязано что-то белое. Влада отвязала его, повертела в пальцах. Свернутый в трубку лист плотной бумаги, перевязанный алым шнуром и запечатанный воском. На воске отчетливо виднелся оттиск - корона над скрещенными мечами. Императорская печать. На внешней стороне свитка крупными, четкими буквами было выведено: «Сотнице Владе. Лично в руки».

Влада сломала печать. Развернула лист. Прочитала. Я видел, как по мере чтения кровь отливает от ее лица, как белеют губы, как лист бумаги в ее пальцах начинает мелко дрожать, будто на сквозняке.

- Что там? - Я вскочил с кровати.

Она подняла на меня глаза, пустые, как у человека, которому только что зачитали приговор.

- С утра меня здесь нет, - проговорила она безжизненно. - Государыня снимает меня с охраны. Меня переводят на северную заставу. На рассвете я должна выехать из столицы с обозом.

Она снова опустила глаза на свиток и прочитала вслух последнюю строку, совсем тихо, будто не веря своим глазам:

- «Охрану пленника принимает Ратмира, начальница лич-

ной стражи. Ключи от Соколиной горницы сдать ей лично до первых петухов».

Глава 7

Петухи за конюшнями заголосили, когда небо над крышами только-только начало сереть, причём заголосили паршиво, хрипло и не в лад, и под этот концерт я стоял, прилипнув щекой к щели в двери, и смотрел, как Влада сдаёт ключи.

Ратмира перегородила собой переход целиком. Влада сунула ей связку в протянутую ладонь, а та, вместо того чтобы спрятать, взялась пересчитывать, перекладывая ключи с пальца на палец, как бабка у кассы перебирает сдачу. Сосчитав, Ратмира объявила, что всё на месте, и велела сотнице выметаться, потому что обоз от Северных ворот тронется с первым ударом к заутрене, а кто опоздает, тот, по разумению государыни, ослушался приказа, и разговор с ним будет короткий.

— Я за всю службу ни разу не опоздала, начальница, — Влада даже бровью не повела. — Хоть у кого спроси.

Развернулась она резко, по-военному, через плечо, и на этом повороте её глаза на долю мгновения упёрлись прямо в мою щель, будто она всё время знала, что я тут торчу. Ничего особенного в её лице не было, одна злая решимость, сжатая в комок, но где-то под ней шевельнулось ещё что-то, и та ниточка, что тянулась от неё ко мне и сидела у меня под рёбрами, вдруг потеплела и в то же время натянулась так, что я невольно прижал ладонь к груди. А потом дверь грохнула у

меня перед самым носом, чуть его не прищемив, и в замке со скрежетом провернулся ключ, повёрнутый уже тяжёлой равнодушной лапой Ратмиры.

Я прижался к двери и слушал, как стихают ее шаги. Уверенные, быстрые, с легким позвякиванием кольчуги. Потом их не стало.

Ратмира жила по колоколу. Дворцовая часовня отбивала часы, и с каждым ударом, едва затихал гул, в замке скрежетал ключ, дверь приоткрывалась на ладонь, и в щель заглядывал тяжелый равнодушный глаз. Осматривал горницу. Меня. Кровать, стол, окно. Ковер с соколиной охотой, и дверь закрывалась снова. Около полудня она вошла. Остановилась посреди горницы, уперла руки в бока и долго оглядывала все вокруг, неспешно поворачивая голову, как сова на ветке. Потом подошла к коврику. У меня пересохло во рту.

Ратмира взялась за край ковра, приподняла его, заглянула под низ. Я видел, как ее тяжелая челюсть двигается, будто она жевала что-то невидимое. За ковром была каменная кладка, серая, неровная, с потеками старой извести. Ни щели, ни проема. Лада, уходя прошлой ночью, закрыла ход так плотно, что даже я, зная, где он, не разглядел бы его.

- Ищешь мышей, начальница? - спросил я, стараясь, чтобы голос звучал лениво.

Ратмира опустила край ковра. Повернулась ко мне.

- Сотница Влада слышала мышей в стенах этой горницы, - проговорила она. - Так она доложила государыне утром,

прежде чем сдать пост. Мол, всю ночь скреблись. Я хочу знать, откуда в государевых стенах мыши.

Я похолодел. Зачем Влада это доложила? Потом понял: она прикрывала сестру. Если кто-то слышал ночью шум, Ратмира должна была узнать о мышах от самой Влады, прежде чем от кого-то другого. Хитрый ход. Слишком хитрый для человека, который, по словам Лады, не умел врать.

- Я мышей не слышал, - ответил я. - Я спал как убитый после отваров Добронег.

Ратмира смотрела на меня еще какое-то время. Потом развернулась и вышла, не проронив больше ни слова. Замок скрежетнул.

Я опустил на кровать и заметил, что у меня трясутся руки.

Лада появилась после вечернего колокола, сразу после того, как в замке в последний раз провернулся ключ. Ковер вздулся, откинулся, и она проскользнула в горницу - в темном плаще, с набитой холщовой сумой на плече, запыхавшаяся, с растрепанной косой.

- У нас до следующего удара совсем немного, - прошептала она, сбрасывая суму на кровать. - Ратмира смотрит в замочную щель на каждом ударе, как заведенная. Я проверяла весь день.

- Влада уехала, - проговорил я.

- Знаю. - Лада развязывала суму, и ее пальцы на узлах двигались быстро, резко. - И вернулась.

Я уставился на нее.

- Обоз остановился на первый привал у Сенного брода, - продолжала Лада, не поднимая головы. - Там ручей и березовая роща. Сестра пошла поить коня и не вернулась. Конь пришел к обозу сам. Весь в тине, с пустым седлом. Старшая обоза решит, что сотница утонула в броде. Там в прошлом году утонула вдова мельника, брод коварный. Пока будут искать тело, пока пошлют гонца в столицу... до утра у нас время есть. А может, и до полудня.

- Где она сейчас?

- Лезет по стене прачечной, если все идет как надо. Ключница впустит ее через бельевой ход. - Лада наконец вытряхнула содержимое сумы на покрывало. - А пока она лезет, смотри.

На покрывало посыпались вещи. Сверток темной грубой ткани - я развернул и увидел монашескую рясу, а под ней еще одну и еще, с глубокими капюшонами, с веревочными поясами. Тяжелый кожаный кошель, звякнувший монетой. Связка ключей. И свиток бумаги с печатью.

- Подорожная, - Лада развернула свиток. - Выписана на сестер Всесвятской обители, идущих на богомолье к мощам святой Евпраксии. Сестра Агния, сестра Феврония и сестра Меланья. Печать Думы настоящая. Я ее сама прикладывала, пока писчая бегала за свечами.

- Сестра Меланья - это, надо понимать, я?

- Ты, кто же еще. - Уголок ее рта дрогнул. - Монахинь ни-

кто не разглядывает. Смотреть им в лицо считается дурной приметой.

- А кошель зачем?

- Золото. Мое приданое, если хочешь знать. - Она отвела глаза. - Мать копила мне его на приданное. Не понадобилось. Пусть послужит делу.

Она произнесла это спокойно, почти равнодушно, но я почувствовал горечь, спрятанную под этим равнодушием глубоко-глубоко.

- А ключи откуда?

- От бельевого хода, от задней калитки в монастырском саду и от конюшни купчихи Горемычной, у которой в Заречье стоят наши кони. Она мне должна за внучку. - Лада сгребла ключи и сунула их в пояс. - С людьми и бумагами я управилась, золото тоже при нас. Нужен путь. Посольство к княгине Уваровой уходит послезавтра, и ждать его мы не можем. Значит, прачечная. Телега с бельем выезжает к реке перед рассветом, спрячемся под тюками, за Прачечными воротами слезем и...

- И нас возьмут у Прачечных ворот, - перебил я.

Лада подняла голову.

- Ты не знаешь, как там досматривают.

- Мне хватает знать, как ищут беглецов, - ответил я. - Ратмира к утру поднимет на ноги всю стражу. Она первым делом подумает о телегах с бельем да о винных бочках. Так бегут все, Лада. Так бежали во все времена, в каждой летописи.

си, которую я читал. И во всех летописях их ловили именно на этом.

- У тебя есть план лучше?

- Найдется, - кивнул я.

За дверью, где-то далеко, ударил колокол. Лада метнулась к ковру, я рухнул на кровать и накрылся одеялом до самого подбородка, а рясы и кошель спихнул под себя. Ключ скрежетнул. Глаз заглянул. Лада стояла за ковром, вжавшись в камень, и я видел краешек ее плаща, торчавший из-под бахромы. Глаз задержался на кровати. На мне. Дверь закрылась. Я выдохнул. Лада выскользнула из-за ковра, бледная, и молча подобрала край плаща, который выдал бы ее, если бы Ратмира смотрела чуть ниже.

- Говори, - прошептала она. - Свой план.

Влада пришла через ход незадолго до полуночи. Она промокла насквозь: волосы прилипли ко лбу, чужая крестьянская рубаха из грубого льна липла к телу, холщовые штаны были закатаны до колен, босые ноги облеплены речным илом. От нее тянуло тиной и ночной рекой. Она ввалилась в горницу из-за ковра, тяжело дыша, и сразу привалилась к стене, запрокинув голову.

- Я жива, - выдохнула она, прежде чем кто-либо из нас успел открыть рот.

Лада сунула ей в руки сухую рубаху из своей сумы, и Влада переоделась не стесняясь. Я отвел взгляд. Скромность тут была ни при чем: я боялся, что если буду смотреть, то забу-

ду, зачем мы здесь.

- Что Ратмира? - спросила Влада, натягивая рубаху через голову.

- Смотрит на каждом ударе, - ответила Лада.

- На следующий она не придет, - Влада мотнула мокрой головой. - Она в перерывах идет в караульную пить сбитень с медовыми пряниками. У нее пряники от кухарки, та ее тетка. А на полуночный удар она не посмотрит вовсе, потому что в полночь меняется стража на всех постах, и Ратмира лично обходит все посты по кругу. Весь дворец. От Соколиной до Речной башни и обратно. На это уходит времени больше, чем между двумя ударами. Я сама так обходила, когда была ее помощницей. Это единственное окно, когда здесь никого.

- Значит, уходим в полночь, - проговорила Лада.

- Да. - Влада кивнула. - А выходить станем через прачечную? Ключница меня впустила, она и выпустит, если ей заплатить.

- В прачечной нас и возьмут, - возразил я. - Я уже говорил. Ратмира первым делом бросится проверять телеги. Нам нужен путь, о котором она не подумает. Лада, где брали камень для стен Златоглава?

Лада нахмурилась.

- В Белых каменоломнях, у Святой горки. Под старым монастырем. Их давно засыпали, еще при прабабке нынешней государыни. Там теперь склепы и кладбище обители.

- Входы, может, и завалили, - поправил я. - Каменолом-

ни никогда не засыпают целиком, это невозможно, там целые подземные города. Я читал про такие. Под столицами, которые строились из местного камня, всегда остаются ходы. Старые штольни, выработки, пустоты. И если монастырь стоит над каменоломнями, у монахинь внизу склепы. А склепы, как правило, соединены с выработками. Сестрам нужно было хоронить своих, и вырубать новые склепы в скале дорого, проще приспособить готовые пустоты.

Влада смотрела на меня, приоткрыв рот.

- Катакомбы Святой горки, - выдохнула она. - Контрабандистки через них возят соль в обход пошлины. Мы ловили их, когда я была в городской страже. Они выходят вот сюда. К обрыву над рекой, ниже Речных ворот. Там заросли ивняка и лодочный причал рыбачек.

- Вот именно, - кивнул я. - Ратмира станет искать нас у ворот, на дорогах, в телегах. А мы выйдем там, где никаких ворот нет.

- Ты безумен, - проговорила Лада негромко. - Катакомбы - это лабиринт. Контрабандистки знают там каждый поворот, а мы заблудимся и умрем в темноте среди мертвых монахинь.

- Мы пойдем по воде, - ответил я. - В каменоломнях всегда есть вода. Она стекает вниз, к реке. Если идти куда течет вода, выйдешь к реке. Так выходили из пещер во все времена.

Влада издала короткий нервный смешок.

- Хорошо, - тяжело проговорила она. - Допустим. Мы вы-

шли к реке. Дальше? Ратмира к утру пошлет отряды во все стороны. На север - первым делом. Ты же северянин. Все будут думать, что ты бежишь домой, в свои леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.